В. Ларичев

ПОИСКИ ПРЕДКОВ АДАМА

БЕСЕДЫ О МИРЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

В. Ларичев

ПОИСКИ ПРЕДКОВ АДАМА

(Рассказы археолога)

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1978

Ларичев В. Е.

Л25 Поиски предков Адама. (Рассказы археолога). М., Политиздат, 1978.

127 с. с ил. (Беседы о мире и человеке).

Сколько лет человечеству? О каком существе можно сказать, что именно оно впервые переступило порог, отделивший человека от животного мира? Эти вопросы издавна интересуют ученых. Открытия, сделанные в последние десятилетия, показывают, что процесс становления человека был еще более долог и сложен, чем это считалось ранее. Об этих открытиях и повествуется в книге известного советского археолога доктора исторических наук В. Е. Ларичева. Она состоит из рассказов о ярких событиях в истории поисков древнейшего предка человека — звена, соединяющего человека и его животных предков в непрерывную эволюционную цепь.

Живое повествование вызовет интерес у самых широких кругов читателей.

Л $\frac{10509-007}{079(02)-78}$ **280—78** **5А1**

ОТ АВТОРА

Эта книга содержит несколько невыдуманных рассказов о поисках, которые ведут археологи, пытливые «охотники за минувшим», об открытиях, имеющих огромное значение для науки о происхождении человека. Истории, с которыми предстоит познакомиться читателю, повествуют о том, как ученые раскрывают тайны, еще недавно казавшиеся людям недоступными, как все больше и больше обнажается несостоятельность религиозных концепций о происхождении человека, наивной веры в его божественное творение. Научный поиск труден и тернист, но тем значительнее успехи исследователей, проникающих в самые глубокие тайники мироздания, утверждающих научную материалистическую картину мира.

Похоже, что до него, Джона Фрера, не только в родном Саффолке, но и во всей доброй старой Англии никому не довелось набрести на такой курьез природы, неожиданно обнаруженный им на берегу реки. Во всяком случае до нынешнего, 1797 года ему не приходилось ни слышать, ни читать о чем-либо подобном. Представьте — высоко над водой возвышается крутой глинистый обрыв, а внизу почти у самого его подножия на глубине не менее четырех метров от поверхности обрыва залегает темный пласт земли, ощетинившийся костями гигантских животных, может быть, носорогов и бизонов, а может, даже и слонов. Костяные обломки густо усеивают и óсыпь ниже обрыва.

Каким образом кости завалила четырехметровая толща глины? Ее, казалось, ничто не тревожило с того самого мгновения, когда был создан

мир. Как смогли забрести в островную Англию слоны и бизоны? И, наконец, еще одна неожиданность: почему крупный камень, торчащий среди костей, выглядит так, будто его усердно обработали стальным долотом с желобчатым лезвием? Фрер нагнулся и не без труда вытащил из плотно слежавшейся глины кусок кремня. Как появились на его поверхности следующие рядком один за другим сколы — углубления вроде фасеток? Природа при всем ее могуществе и изощренности вряд ли могла создать подобное творение. Фрер повертел в руках обколотый с двух сторон топоровидный камень. Ему придана форма крупной миндалины, и, судя по всему, камень целенаправленно и обдуманно обработали, а потому находка представляет собой **изделие,** своеобразный **инструмент,** материалом для которого послужила хорошо раскалывающаяся кремневая порода! До чего же удобно упирается в ладонь мягко закругленный и массивный конец «топора»! При таком положении орудия противоположная заостренная часть его и зигзагообразные, как у пилы, боковые стороны могли служить рабочими краями при рубке или резании...

Джон Фрер задумчиво смотрел на россыпи гигантских костей, вывалившихся из земли. Уже не менее двух с половиной тысяч лет предпринимаются попытки объяснить, чьи они. Древние греки, по обыкновению, справлялись с этой задачей в своей мифологии: крупные кости принадлежали или гигантам, которые осмелились вступить в борьбу с богами Олимпа и были низвергнуты на землю, или героям вроде Ореста или Аякса. Еще во II веке нашей эры знаменитому географу Павсанию показывали в Аркадии могилу Ореста, скелет которого, по преданию, достигал 7 локтей в длину.

Остались свидетельства и от времен Древнего Рима. Император Адриан возвел в окрестностях Трои

мавзолей как раз на том месте, где вода вымыла скелет длиной в 11 локтей. Его приняли за останки Аякса. Когда императору Тиберию прислали в дар гигантский ископаемый зуб, он приказал геометру Пульхеру восстановить, каким же должно быть лицо у существа с таким зубом. Согласно рассказу Светония, император Август создал при своем дворце на острове Капри нечто вроде первого в Европе палеонтологического музея,— в нем были выставлены на обозрение кости необыкновенной величины.

Да что там греки и римляне, если каких-нибудь 300—400 лет назад не считалось вопиющей необразованностью объявить останки гигантских животных частями скелета, например, легендарного Роланда. Их с благоговением укрепляли над порталами соборов!

Великий Леонардо да Винчи (1452—1519) и француз Бернар Паллиси (1510—1589) уже давно поняли, что гигантские кости принадлежат вымершим животным, но тем не менее еще в начале XVIII века, в котором живет теперь Джон Фрер, врачу и естествоиспытателю Францу Брюкману приходилось всерьез опровергать представление, будто это останки былых великанов. Изучив «огромный, как стол, череп», найденный на Дунае в Кремсе, он призывал представить, какой же величины должно быть тело у такого гиганта и как выглядели бы его лицо и челюсти. При невероятном росте подобный монстр мог бы перекусывать быков! Никакие это не гиганты, а животные вроде слонов, утверждал Брюкман. Их кости занесло илом и землей, когда наступил всемирный потоп или великое наводнение. А в то же самое время один из действительных членов Академии наук Франции после кропотливых вычислений пришел к безупречному с его точки зрения выводу, что у Адама рост достигал 37 метров 73 сантиметров, а у Евы, как и полагается первой даме света, чуть

меньше — 36 метров 19,5 сантиметра. Ну чем не классическое соотношение для супружеской пары!

Но если гигантские кости принадлежали вымершим в Европе животным, то какими были первые люди Земли? Когда они появились на ней и чем занимались? Как не вспомнить опять великих эллинов и римлян! За шесть веков до нашей эры древнегреческий философ Анаксимандр писал, что человек появился на Земле под воздействием теплых солнечных лучей. В полужидком иле сначала зародились рыбообразные существа, которые потом научились поддерживать жизнь на суше, смогли навсегда покинуть воду и постепенно превратились в человека. Аристотель три века спустя тоже представил человека как итог развития и постепенного совершенствования природы. Что касается образа жизни древнейших людей, то Джон Фрер мог бы продекламировать строки, вполне достойные прозвучать над древним становищем, строки величественной поэмы древнеримского философа Тита Лукреция Кара «О природе вещей»:

Та же порода людей, что в полях обитала, гораздо
Крепче, конечно, была, порожденная крепкой землею.
Остов у них состоял из костей и плотнейших и бо́льших;
Мощные мышцы его и жилы прочнее скрепляли...
Жизнь проводил человек, скитаясь как дикие звери...
Люди еще не умели с огнем обращаться, и шкуры,
Снятые с диких зверей, не служили одеждой их телу;
В рощах, в лесах или в горных они обитали пещерах
И укрывали в кустах свои заскорузлые члены,
Ежели их застигали дожди или ветра порывы...
На несказанную мощь в руках и в ногах полагаясь,
Диких породы зверей по лесам они гнали и били
Крепким, тяжелым дубьем и бросали в них мёткие камни;
Многих сражали они, от иных же старались укрыться...
С воплями громкими дня или солнца они не искали,
В мраке ночном по полям пробираясь, объятые страхом,
Но ожидали, в молчаньи и в сон погрузившись глубокий,
Как небеса озарит светильником розовым солнце...

Древним оружьем людей были руки, ногти и зубы,
Камни, а также лесных деревьев обломки и сучья,
Пламя затем и огонь, как только узнали их люди.
Силы железа потом и меди были открыты,
Но применение меди скорей, чем железа, узнали:
Легче ее обработка, а также количество больше.

Позже всесильное христианство и его верный страж святая инквизиция в течение полутора тысячелетий не допускали иных толкований появления человека, помимо библейского рассказа о том, как бог создал из праха земного Адама, а затем Еву из ребра его, о их беспечном обитании в земном раю — пристанище первых людей в долинах четырех неведомых рек.

Судьба осмелившихся думать иначе трагична — в назидание потомству их уничтожали лютой казнью. В 1450 году был сожжен на костре Самуил Сарс, который учил, что человечество гораздо древнее, чем следует из Библии. Не помогло. В 1655 году в Париже Исаак де ла Перейра напечатал греховное сочинение о неких людях, живших до Адама. Судьба Перейры не известна, но в начале XVII века святые отцы в ярости вырвали язык у «особо опасного еретика» Ванини: он, богохульствуя, учил, что некоторые народы произошли от обезьян, а первые люди сначала ходили на четвереньках, подобно животным, и лишь значительно позже «благодаря воспитанию оставили эту привычку». Поразмыслив, инквизиторы решили, однако, что наказание не по проступку снисходительно и «признали богоугодным предать всеочищающему огню костра бренное тело» Ванини, заблудшей овцы господа. Ведь почтенный Джон Лайтерут, он же архиепископ Ушер Ирландский, еще в 1654 году со всем усердием подсчитал в Кембридже, что создатель сотворил человека из глины точно в 9 часов утра 23 октября 4004 года до рождения Христова!

Между тем вечно склонная впадать в ересь человеческая любознательность все чаще находила факты, которые допускали иное толкование вопроса о древности человека. В XVII и начале XVIII века так называемые «громовники» (каменные топоры и наконечники) уже стало невозможно принимать за орудия бога грома, в сердцах метавшего их с молниями на грешную Землю. Как выяснилось, в точности такие инструменты применяют туземцы Нового Света, Африки и Южной Азии. Значит, и в Европе жили когда-то в каменном веке люди, и следует признать правоту Лукреция Кара, возвестившего об этом почти два тысячелетия назад? И как показатель того, что времена несколько изменились, в 1717 году вышла в свет книга не кого-нибудь, а заведующего Ватиканским ботаническим садом Михаила Меркати, который описывал каменные орудия как «произведения рук человеческих», выполненные «в незапамятные времена». По мнению автора, люди тогда не умели выплавлять металлы и потому пользовались каменными орудиями. Меркати без всяких околичностей объявил оббитые и шлифованные камни «орудиями и оружием первобытных времен». Подумать только — ересь взращена в садах самого Ватикана! Однако автору ничто не угрожало хотя бы потому, что он умер за 27 лет до появления книги!

Дальше — больше. В 1700 году в Каншате нашли череп человека и, ничтоже сумняшеся, отнесли его ко времени, когда в Европе жили слоны и пещерные медведи. В 1723 году некий де Жюссье сделал доклад в Парижской Академии наук о каменных орудиях аборигенов Канады и в нем заявил, что такими же орудиями древних людей следует считать камни со следами обработки, которые находят в земле Европы. Его, разумеется, высмеяли, но какой шум наделала напечатанная в 1731 году в Аугсбурге книга известного

прилежностью и ученой плодовитостью швейцарца Якоба Шейхцера, где объявлялось об открытии в Энингене скелета ископаемого человека, уничтоженного, согласно заключению автора, всемирным потопом. Он его так и назвал: «homo diluvii tristis testis» — «человек, печальный свидетель потопа».

В 1740 году француз Магюдель напечатал сочинение, специально посвященное находкам всевозможных каменных орудий. Через 10 лет Эккард из Брауншвейга высказал твердую уверенность в том, что у человечества был период, когда орудия изготовлялись только из камня; что же касается бронзовых и железных инструментов, то они относятся к последующим этапам культуры. В особенности повезло немецкому пастору из Эрлангена Эсперу, который первым нашел кости человека вместе с останками каких-то несомненно очень древних, давно вымерших животных. Они залегали в одном слое пещеры, открытой недалеко от Муггендорфа, и, следовательно, датировались достаточно древним временем. В 1774 году Эспер обнародовал свои наблюдения и размышления...

Джон Фрер возвратился домой с грудой костей и камнем, оббитым в форме топора. Некоторое время он изучал то и другое, а затем решил предать свои мысли бумаге. Самым существенным в статье, которая появилась в том же 1797 году, Фрер считал вывод о том, что в Саффолке ему посчастливилось найти стойбище людей, понятия не имевших о металле. Человек тогда использовал в работе только каменные орудия. Что же касается эпохи, когда все это происходило, то Джон Фрер пришел к смелому заключению, что открытая им культура «принадлежит к очень древнему периоду, даже по времени настоящего мира»!

Все было правильно, кроме одного,— Фрер не пер-

вым в Англии, а следовательно и в Европе, открыл топоровидное орудие, сделанное первобытным человеком, современником вымерших слонов. Как выяснилось позже, в коллекциях Британского музея давно хранился такого же типа топор, найденный в 1715 году неизвестным джентльменом в одной из пещер Грэйсинн-Лэн недалеко от местечка Конайерс. Впрочем, это несущественный момент, ибо мало найти оббитый камень — нужно иметь достаточно воображения, чтобы не принять его просто за курьез природы, и надо найти смелость объявить об этом во всеуслышание.

...Дело, однако, не ограничилось выяснением настоящего смысла каменных орудий и костей ископаемых животных. Шведский натуралист Карл Линней написал книгу «Система природы» (1735 г.) и в разработанной там классификации животного мира поместил человека в одну группу с обезьяной. Что из того, если он при этом не перестает твердить: «Существует столько видов, сколько бог создал их в самом начале». Но произошло-то неслыханное — человек, венец творения, одухотворенный самим создателем, божественный в образе своем, впервые встал в один ряд с одной из заурядных тварей, в порядке исключения названной к тому же **приматом**, то есть «князем», «господином», животным первого ранга. Не было больше райского «царства человека». Линней даже осмелился орангутанга назвать священным именем человек: homo silvetris — «лесной человек». А как прикажете понимать имя, придуманное Карлом Линнеем для самого человека: homo sapiens nosce te ipsum — «человек разумный, познай самого себя»?! Что это, пожелание, наставление, крамольный призыв?

В таком случае не услышал ли его откровенный смутьян и эволюционист французский естествоиспытатель Жан Батист Пьер Антуан Ламарк? Во всяком слу-

чае, в «Философии зоологии», опубликованной в 1809 году, он осмелился без туманных намеков, прямо объявить о том, что человек мог произойти от наиболее совершенной из обезьян вроде шимпанзе под влиянием окружающей природы. Ламарк выдвинул новую идею, согласно которой изменения в структуре организма происходят вследствие упражнения или, напротив, неупражнения органов, и, основываясь на подобном соображении, попытался представить, как обезьяны могли оказаться на земле. Исчезновение лесов заставило сотни, тысячи поколений обезьян передвигаться по поверхности земли. Ноги их, упражняясь в ходьбе, постепенно утрачивали способности производить хватательные движения. Обезьяна постепенно приобрела прямую осанку, поскольку, стоя и передвигаясь на задних конечностях, она могла лучше обозревать окрестность. На ногах развились икры, руки, не упражнявшиеся более при перескоках на деревьях, укоротились. Наземная обезьяна питалась не только растительной пищей, что привело к уменьшению размеров клыков и укорачиванию челюстей, которые не выдвигались вперед, как у остальных антропоидов. Новая порода обезьян широко расселилась по земле; ей приходилось теперь обитать в самом разнообразном природном окружении, и необходимость приспосабливаться к нему привела к еще большим изменениям. Усложнение жизни обезьяньих стад потребовало создания членораздельной речи, так как для передачи мыслей не хватало немногих звуков и гримас лесной обезьяны. Речь, по мнению Ламарка, стала одним из важных факторов, ускоривших общественное развитие. Так появились на земле люди, в значительной мере отличающиеся от своих прародителей — обезьян. Между теми и другими образовалось «как бы незаполненное место».

«Пока не заполненное»,— не преминул уточнить один из сторонников Ламарка Беленштедт, опубликовавший свое сочинение в 1818 году. Он высказал мысль о возможности существования неких промежуточных форм, связывающих в непрерывную эволюционную цепь человека и предшествующие ему животные формы. Еще не произнесено знаменитое словосочетание «недостающее звено», но дух его уже витал в воздухе.

Когда же сами философы, любители ставить точки над i, как всегда, мастерски сумели выудить главные мысли из сочинений специалистов и облекли их в подобающую форму, повторив идеи об обезьяне-предке и промежуточном звене (Гольбах, Кант), то все поняли, что дело, пожалуй, зашло слишком далеко. В спор вмешался один из самых популярных членов Академии наук Франции Жорж Кювье, создатель популярной и яркой теории катастроф, призванной объяснить более вескими, чем у эволюционистов, причинами смену и обновление органического мира планеты. «Ископаемый человек не существовал»,— авторитетно заявил этот ярый противник Ламарка, своего учителя, проверив факты, связанные с громкими открытиями останков древнейших людей. То ли Кювье не повезло и на стол ему попали самые сомнительные из находок, то ли причина в чем-то другом, но кости ископаемого человека, присланные ему из Бельгии, оказались костями ископаемого слона, череп из Франции — панцирем заурядной черепахи, а позвонки принадлежали ихтиозавру. Но наибольшие пересуды вызвал осмотр «человека, печального свидетеля потопа». Кювье сумел уничтожающе эффектно завершить спор: в Парижской Академии долго потешались, узнав, что «печальный свидетель потопа» превратился в ископаемую саламандру! Жорж Кювье остался, однако, истинным джентльменом: в честь «прилежного исследователя»

из Швейцарии Якоба Шейхцера он назвал ее Andrias Scheuchzeri Cuvier, навеки связав имя незадачливого первооткрывателя останков древнего человека с саламандрами.

Можно подумать, что после такого конфуза сторонники ископаемого человека угомонятся или, во всяком случае, поостерегутся делать широковещательные и далеко идущие заключения. Ничуть не бывало! За дело вновь принялись археологи. В 1825 году Мак Инери при раскопках в Англии пещеры Кенте Хол, открытой около Торки, отметил, что кости человека залегают в слое сталагмитов вместе с оббитыми камнями и костями пещерного медведя и пещерной гиены. В том же году Турналь и Кристоль объявили о первом во Франции открытии в Лангедоке костей человека вместе с останками вымерших животных. В 1828 году первый из них то же наблюдал при раскопках Бизского грота, а через год второй сообщил о находках останков человека и костей носорога и гиены в окрестностях Пондра. В 1833 году, через год после смерти Жоржа Кювье, в Бельгии, в пещерах около Льежа, начал раскопки Шмерлинг, и снова поползли слухи о необыкновенных по важности находках — кости человека залегали в пещерных слоях вместе с грубо оббитыми кремнями и вперемешку с костями мамонта, шерстистого носорога, пещерной гиены и пещерного медведя. Шмерлинг не замедлил подтвердить «россказни» специальной публикацией!

Но самый сокрушительный удар сторонникам Кювье исподволь готовился в самой Франции, совсем недалеко от Парижа, в провинциальном городке Аббевиле, что раскинулся на берегу реки Соммы. Сюда в 1830 году приехал и начал врачебную практику молодой человек по имени Казимир Перье. Интересы его были достаточно разносторонними, однако более дру-

гих недавнего студента волновали вопросы прошлого Земли. Он начал «экскурсии» в окрестности городка и вскоре открыл в Хоксне, одном из предместий Аббевиля, самое подходящее место для любительских изысканий. Здесь отцы города надумали прорыть канал, чтобы открыть прямой доступ к портовым причалам. Древние речные наносы вскрывались на большую глубину, позволяя любоваться разнообразными напластованиями. Но самое волнующее началось, когда строителям канала стали попадаться кости огромных животных. Это оказались останки слонов, носорогов, лошадей и даже бегемотов. Их «допотопный» возраст не вызывал у врача сомнений.

Но найдены были не только кости. Перье обратил внимание на странные камни, что попадались порой в тех же горизонтах, в которых залегали останки обитателей «допотопной земли». Их нельзя было не заметить — бросалась в глаза правильность их форм, видимо, намеренно приданная им ловкой оббивкой. Камни напоминали примитивные топоры или клинья — один конец их приострялся, а другой, в большинстве случаев закругленный, оставался массивным. Он удобно помещался в ладони, и при рубке можно было не опасаться, что тупой обух поранит кожу. Некоторые клинья представляли собой овальную речную гальку со сколами только на приостренном конце, в то время как остальные части оставались нетронутыми. Что это, как не знаменито известные с давних пор «громовники»? Но насколько они грубее известных Перье образцов! Примечательно также, что среди них не встречаются полированные или шлифованные образцы — все топоры обколоты и лишь сглажены от долгого пребывания в земле или перекатывания в воде, но не более того. По первозданной архаичности они не идут ни в какое сравнение с находками Турналя и Кристоля, что вызы-

вало — в который уже раз! — будоражащие мысли об ископаемом человеке. Что ж, значит, в Хоксне тоже жили древние, поистине допотопные люди, современники теплолюбивых слонов и бегемотов, давно исчезнувших в Европе.

Так через тридцать с небольшим лет в континентальной части Европы было повторено открытие, сделанное Джоном Фрером. Казимир Перье не подозревал о предшественнике, который задолго до него раздумывал над тем, что теперь не давало покоя ему. А топоровидный инструмент из Саффолка удивительно напоминал аббевильские оббитые камни,— можно было подумать, что их изготовил один мастер!..

Пять лет Перье продолжал наблюдения в долине Соммы, там, где велись земляные работы, проводил небольшие раскопки сам, и наконец всякое сомнение покинуло его — он открыл следы культуры необычайно древнего человека. Предки, очевидно, достаточно долго жили здесь, если можно заметить, как постепенно совершенствовались их топоры,— одни из них отличались почти изящной формой и тщательной оббивкой, а другие сохраняли очертания исходной гальки или кремня, из которого неуклюже, с помощью предельно экономной оббивки выделывался топоровидный инструмент.

Перье решил, что наступила пора поделиться наблюдениями с кем-нибудь из людей достаточно образованных, чтобы понять его. К счастью, в Аббевиле такой человек нашелся и учреждение, которое он возглавлял, тоже оказалось подходящим,— Жак де Кревекер (или, как он просил себя обычно называть по фамилиям матери и отца, Буше де Перт) уже более 10 лет возглавлял таможенное бюро Аббевиля и вместе с тем руководил обществом естествоиспытателей этого городка.

Сначала, правда, Буше де Перт скептически воспринял доводы своего молодого коллеги по естественно-научным делам, но затем оббитые камни показались ему заслуживающими внимания. Вместе с Перье он совершил несколько экскурсий на берега Соммы, а с 1836 года, когда на его глазах из земли извлекли ископаемые кости и обколотые камни, археология стала для Буше де Перта делом жизни, ради которого он был готов пожертвовать всем на свете. Не зная усталости, этот пятидесятилетний, уважаемый в городе человек часами лазал по обрывам, выискивая кости и камни. Коллекция, собранная вместе с Перье, росла и уже могла бы составить гордость любого музея.

Наконец в 1839 году Буше де Перт отправился в Париж, чтобы продемонстрировать находки академикам и рассказать им о своих выводах. Его встретил непременный секретарь академии, геолог и математик Эли де Бомон, ярый поклонник теорий Кювье, и препроводил к специалистам. Беседа тяжкая и неутешительная: камни сомнительны, а идеи не новы. Де Бомон нравоучительно заметил в конце беседы, что если даже привезенные камни действительно оббиты, то они ведь «могли принадлежать римлянам, которые некогда строили военные лагеря в земле варваров». Буше де Перт горячился — он совсем не утверждал, что люди, обколовшие камни, наши предки; не думал он и опровергать Кювье, ибо искренне полагал, что современники ископаемых слонов погибли во время одной из катастроф. Академики нашли такое «жалкое бормотание» подозрительным и ограничились назидательно-нравоучительными и шутливо-ироническими замечаниями. Они требовали серьезного, а не построенного на эмоциях обоснования новых идей.

Однако вряд ли кто из них предполагал, что странный визитер из Аббевиля постарается выдвинуть дока-

зательства. И вот в течение трех лет, с 1839 по 1841 год, из печати один за другим вышли пять томов издания, озаглавленного «О сотворении. Сочинение о происхождении и развитии живых существ». Буше де Перт упрямо доказывал в нем древность человека, и основанием ему служили каменные орудия, найденные в Аббевиле. Специалисты встретили книги нескрываемо скептически. В откликах автор представлялся читателям дилетантом и даже нечистым на руку человеком, поскольку отсутствовала уверенность, что камни не подделал он сам или его друзья-землекопы. Как всегда, радикальные меры предлагали церковники — они призывали запретить издание, противоречащее духу Библии.

Буше де Перт, однако, не сдавался. Теперь, когда в 1841 году неожиданно умер самый преданный друг и единомышленник Казимир Перье, он продолжал борьбу в одиночестве. В 1844 году ему повезло — в присутствии свидетелей, членов Аббевильского общества естествоиспытателей, де Перт вынул из земли топоровидный, «в виде груши» камень с отчетливыми следами сколов и находившийся рядом с ним зуб слона. Он тотчас сообщил о знаменательном событии в Париж. Столица безмолвствовала.

В 1845 году он опубликовал очередную книгу «О кельтских допотопных древностях», в которой подвел итог своим археологическим изысканиям. Он вновь обратился с письмом в академию и просил назначить ученую комиссию для проверки его выводов, изложенных в почтительно препровождаемом сочинении. Академия сформировала комиссию, но, очевидно, лишь для того, чтобы как-то утихомирить фанатически настойчивого археолога из Аббевиля, поскольку никто так и не соизволил прибыть в городок на Сомме.

Чтобы обратить внимание «просвещенной публики»

на камни со следами сколов, он безвозмездно предложил директору одного из парижских музеев свои коллекции, собранные за полтора десятка лет. Невиданное дело: вместо благодарственного письма — молчание. Его даже не удостоили ответом. То же предложение о щедром подарке он направил в академию. Эли де Бомон по долгу службы ответил давнему знакомому,— Буше де Перт с удивлением прочитал в письме вежливый, но категорический отказ. Возможно, по-своему они были правы: «Бойтесь данайцев, дары приносящих!»

И все же, несмотря на демонстративное пренебрежение академиков, после почти двадцатилетней перепалки у Буше де Перта стали появляться сторонники и не менее напористые, чем он сам. Один из них, Риголло, гордо объявивший себя впоследствии его учеником, физик и врач из города Амьена, ранее сторонник «сверхортодоксальных взглядов» на проблему происхождения человека, однажды прибыл в Аббевиль, чтобы не оставить камня на камне от заключений Буше де Перта. Он вернулся, однако, домой с твердым намерением открыть в окрестностях родного городка нечто подобное, благо Сомма протекала рядом с ним. Ученик оказался достойным учителя — в местечке Ашель Риголло вскоре открыл в речном гравии, вскрытом карьерами, такие же, как в Аббевиле, топорообразные каменные орудия, которые залегали в земле вместе с костями вымерших гигантских животных.

В 1854 году в Амьене вышла книга, в которой описывались новые находки оббитых камней. Выводы автора не оставляли сомнений, что во Франции появился новый сторонник идей Буше де Перта. Правда, Риголло не академик и археология для него тоже не профессия, а любительское увлечение, но не в этом ли упрек профессионалам?

Первыми сдались зарубежные археологи и геологи: 26 апреля 1858 года англичане Чарлз Лайель, Вильям Фальконер, Джон Эванс и Флауэр посетили Аббевиль, а также Амьен и убедились в правильности выводов Буше де Перта и Риголло. К такому же выводу пришел затем английский археолог и этнограф Джон Леббок. Публичное заявление о поддержке взглядов Буше де Перта, сделанное 26 мая 1859 года выдающимся геологом Джоном Эвансом на заседании Королевского общества, ученым, пользовавшимся высочайшим авторитетом в научных кругах, произвело сильное впечатление. В 1859 году отозвались палеонтологи — Амьен посетил француз Альбер Годри и сам извлек из слоя около десятка оббитых топоров и лежащие вместе с ними кости слона, носорога, гиппопотама, а также зубы быка. Одна за другой в свет выходили книги, в которых на основании геологических и палеонтологических данных доказывалась глубокая, в десятки, а может быть, и в сотни тысячелетий, древность человеческого рода.

Наконец в дискуссию на стороне Буше де Перта вступили и профессиональные археологи. В 1861 году Эдуард Лартэ, основываясь на материалах, полученных им при раскопках пещер Франции, предложил новую периодизацию истории первобытного общества. Он разделил ее на четыре больших периода: век зубра и первобытного быка, век мамонта и носорога, век северного оленя и век пещерного медведя. В следующем, 1862 году Леббок предложил ранний период каменного века, для которого характерны оббитые орудия, назвать **палеолитом,** древнекаменным веком, а время, когда появляются шлифованные каменные орудия и глиняная посуда,— **неолитом,** новокаменным веком.

В конце 60-х годов вышли из печати великолепные

работы французского археолога Габриэля де Мортилье. На основании техники обработки каменных орудий он выделил «ориньякский слой», «солютрейский» и «мадленский» типы инструментов, характеризующие культуру человека, существовавшую на территории Европы 40—12 тысяч лет назад (верхний палеолит). Еще более древние слои, с ручными топорами, оббитыми с двух сторон, массивными скреблами и остроконечниками, получили название по местам их первого открытия —шелль, ашель, мустье (нижний палеолит). Возраст наиболее древних культур достигал полумиллиона лет, если не больше. Во всяком случае, Чарлз Лайель продолжительность ледниковой эпохи определил в 1863 году в 800 000 лет!

Биологи довершили сокрушительный удар: в 1859 году Чарлз Дарвин опубликовал книгу «О происхождении видов путем естественного отбора». И хотя в ней специально не затрагивался вопрос о происхождении человека, «предмет, окруженный предрассудками», для всех стало очевидным, что человек неумолимо подводится под те же законы развития, которые лежат в основе эволюции всего остального животного мира. Томас Гексли, ближайший соратник Дарвина, вскоре восполнил этот пробел, написав книгу, уже специально посвященную проблеме происхождения человека от обезьяноподобного существа. А немецкий биолог Эрнст Геккель в сочинении «Естественная история мироздания» попытался составить родословное древо людей, впервые провозгласив существование в далеком прошлом промежуточной формы, связывающей в единую цепь антропоидную обезьяну и человека. Эта форма, **питекантроп** (обезьяночеловек), пока не открыта наукой (вот оно «как бы незаполненное место» Ламарка!), поэтому ее можно назвать missing link — «недостающее звено».

В 1871 году с открытым изложением своих взглядов на проблему происхождения человека, «самой высокой и наиболее интересной для натуралиста», выступил Дарвин: «...Земля долго готовилась к принятию человека, и в одном отношении это строго справедливо, потому что человек обязан своим существованием длинному ряду предков. Если бы отсутствовало какое-либо из звеньев этой цепи, человек не был бы тем, кто он есть... От обезьян Старого Света произошел в отдаленный период времени человек, чудо и слава мира». Можно представить негодование обывателя, прочитавшего такие слова великого ученого: «Я старался по мере сил доказать мою теорию, и, мне кажется, мы должны признать, что человек со всеми его благородными качествами, с его божественным умом, который постиг движение и устройство солнечной системы, словом, со всеми высокими способностями,— все-таки носит в своем физическом строении неизгладимую печать низкого происхождения». Дарвин увещал оскорбленное тщеславие филистера, не желающего покинуть воздвигнутый себе пьедестал и снизойти до родства с обезьяной. «Стыдиться здесь, право, нечего. Самый скромный организм все́ же несравненно выше неорганической пыли под нашими ногами; неизвращенный ум не может изучать живое существо, даже самое низшее, без удивления перед его чудесным строением и свойствами!»

Что могли противопоставить такой сокрушительной атаке сторонники божественного происхождения человека? По существу, ничего, кроме плоских выходок вроде знаменитой реплики епископа Вильберфорского в адрес Гексли, брошенной в ходе публичного диспута в зале Британской ассоциации наук: «Мне хотелось бы спросить вас, мистер Гексли, действительно ли вы считаете, что вашими предками были обезьяны? А если

все так, то мне интересно узнать, с какой стороны вы происходите от обезьяны — со стороны дедушки или бабушки?». В ответ епископ услышал такие слова: «Человек не имеет причины стыдиться, что его предок — обезьяна. Я скорее бы стыдился происходить от человека суетного и болтливого, который, не довольствуясь сомнительным успехом в собственной деятельности, вмешивается в научные вопросы, о которых не имеет никакого представления, чтобы только затемнить их своей риторикой и отвлечь внимание слушателей от действительного пункта спора ловкой спекуляцией на религиозных предрассудках...»

Но что оставалось делать епископам: еретика нынче не сожжешь и язык ему не вырвешь — времена уже не те.

Однако ученые-богословы не только отшучивались. Они стремились примирить с Библией то, что стало трудно отрицать. Вот несколько тому примеров. Пастор Анри Вальротэ: «До сотворения Адама на Земле могли обитать «предадамиды» или «доадамиды». Эти человекообразные обезьяны были более похожи на человека, чем современные. Провидение, возможно, позволило погибнуть этим предшественникам человека прежде, чем сотворило наших прародителей».

Профессор теологии аббат д'Анвьё: «Предадамиды могли быть настоящими людьми, так как Библия оставляет нас свободными допустить человека ледникового, плиоценового и даже эоценового. Наука не может доказать, что они должны числиться в ряду наших предков».

Преподобный Монсабрэ: «Одно из двух — или ученые увидят себя вынужденными омолодить геологические пласты, или новые открытия наведут нас на след человекообразного существа, которое в изумительном усовершенствовании божественного плана было

образцом и предшественником человека, которому нужно приписать орудия третичной эпохи...»

Довольно, пожалуй. Именно эти теологические выкрутасы имел, по-видимому, в виду Дарвин, когда сердито писал: «Невежество значительно чаще создает уверенность, чем знание. Тот, кто не смотрит на явления природы, подобно дикарю, как на нечто бессвязное, не может думать, чтобы человек был отдельным актом творения». И далее, чтобы не осталось недоговоренности: «Мы узнаем, что человек произошел от волосатого, четвероногого и хвостатого животного...»

Но дело, наверное, продвигалось бы быстрее, если б противниками Буше де Перта, Дарвина, Лайеля и Геккеля оставались лишь профессора от теологии. Значительно большую опасность представляли «ничтожества», «блюстители науки», о которых с негодованием писал Энгельс в письме Марксу от 20 мая 1863 года, возмущаясь отношением к открытиям Буше де Перта, Лайеля, Шмерлинга «официальной науки». Чего стоит судьба наследия одного из самых великих археологов Франции Буше де Перта, рукописи которого при молчаливом попустительстве академии были уничтожены невежественными родственниками!

Идея ископаемого человека воспринималась с трудом, искажалась, третировалась, замалчивалась, доводилась до абсурда. Такова, очевидно, теория эолитов Эжена Буржуа, который в 1867 году возвестил о камнях со следами сколов, открытых в так называемых третичных слоях, возрастом в несколько сотен миллионов лет. Конечно, в столь древних горизонтах невозможно обнаружить кости приматов, а появление фасеток на камнях следует — в данном случае — объяснять естественными причинами. Поэтому такие находки только компрометировали представление о древнейших оббитых человеком камнях. Джон Эванс

был прав, холодно ответив Эжену Буржуа: «Я весьма горжусь древностью моего рода, однако хочу иметь другие доказательства этой древности, чем раковистый излом на камне!»

Но ведь и Буше де Перту, помимо оббитых с характерными раковистыми изломами камней да костей ископаемых животных, ничего более в «допотопных» или, как их теперь стали называть, древнечетвертичных горизонтах найти не удалось. Как ни старался Буше де Перт обнаружить хотя бы одну кость человека вместе с грубо обколотыми топорами, ему не повезло. Он назначил счастливцу, который первым найдет какую-нибудь часть останков предка, денежный приз в 200 франков, сумму по тем временам немалую. Это, разумеется, подействовало: в 1863 году землекопы принесли де Перту обломок нижней челюсти человека. Деньги выплачены, но дело кончилось конфузом: как установили вскоре англичане, кость содержала органические вещества и, следовательно, не могла считаться ископаемой.

Между тем, как это ни парадоксально, то существо, которое могло обрабатывать камни и о котором спорили до ожесточения, было уже найдено, но, непризнанное и отвергнутое, ожидало, когда на него обратят внимание. За него предстояла борьба не менее яростная, чем за камни, некогда оббитые им и оставленные на берегах древних потоков. Чтобы заставить признать себя, ему требовался адвокат, столь же упрямый, прозорливый, смелый и самоотверженный, каким был Буше де Перт. Такой защитник, рискнувший представить человечеству его далекого предка, нашелся.

ТРОГЛОДИТ ИЗ ПЕЩЕРЫ ФЕЛЬДГОФЕР

Открытие, прямо противоречащее совокупности предыдущих исследований, обыкновенно принимается с большим недоверием.

ЧАРЛЗ ЛАЙЕЛЬ

В августе 1856 года в кругу специалистов впервые заговорили о долине Неандерталь. Позднее о ней узнают всюду, а до сих пор о расположенном в окрестностях городка Дюссельдорфа суровом и диком ущелье реки Дюссель, небольшого притока Рейна, знали, наверное, только местные жители. Это странное название, составленное из латинизированной или, лучше сказать, греческой по духу фамилии Неандер и немецкого слова «Tal» — «ущелье», осталось, как потом установили дотошные историки науки, в память ректора латинской школы Дюссельдорфа Иоахима Ноймана, который, следуя моде XVII века, сменил свою широко распространенную фамилию на латинизированную — Неандер. Всего 30 лет он про-

жил на свете и лишь год заведовал школой в городе, после чего в 1679 году уехал в Бремен, где вскоре скончался, но популярность его была настолько велика, что жители города увековечили память о Нойманне, назвав Неандерталем безымянное ущелье реки Дюссель. Именно здесь в 1674—1678 годах любил гулять Нойманн-Неандер, имевший пристрастие к дикой природе, не тронутой рукой человека.

Именно здесь почти через 200 лет, в июле 1856 года, рабочие известнякового карьера, которые удаляли глину из пещеры Фельдгофер, нашли странные кости и череп. Хозяева карьера Беккерсгоф и Пипер приняли их за останки медведя и передали преподавателю реальной гимназии Эрбельфельда профессору Иоганну Карлу Фульротту. Его знали в округе как маститого энциклопедиста, которого трудно поставить в тупик неожиданным вопросом. Особенно сведущ он был в философии, что, впрочем, не удивительно,— еще 20 лет назад он получил степень доктора философии в Тюбингенском университете. Затем, проработав десяток лет преподавателем в реальной гимназии Эрбельфельда, он стал профессором математики и естественных наук. Но и это не все: более четверти века назад, еще молодым человеком, он написал книгу, посвященную систематике растений. Это сочинение молодого Фульротта заметил и похвалил сам великий Гёте!

Карл Фульротт — известный непоседа, и хотя, если того требовали обстоятельства, он мог быть и усидчивым, но, появись свободное от занятий в гимназии время, застать в кабинете его становилось положительно невозможно. Летом профессор вообще надолго исчезал из Эльберфельда. Вместе с молодыми энтузиастами, которые боготворили учителя, он путешествовал вдоль Рейна или в Вестфалии. Чем только не занимался он, странствуя по долинам речек, притоков великого

Рейна! По глинистым толщам, разрезанным оврагами, Фульротт изучал геологию юга Германии. Его интересовали пещеры, где в рыхлых глинистых отложениях, перекрывших многие тысячелетия назад каменистое дно, встречались кости вымерших животных. Попутно он собирал зоологические и ботанические коллекции, проводил метеорологические наблюдения.

Найти кости пещерного медведя, реконструировать его скелет было давней мечтой Фульротта, и понятно, с каким интересом он принял подарок из долины Неандерталь. Однако достаточно было беглого взгляда, чтобы понять — из окаменевшей глины Фельдгоферского грота рабочие извлекли останки, несравненно более интересные и важные: человека! Но и это не все. Бросалось в глаза необычное строение этих останков. Бедро было очень массивно, грубо по рельефу и к тому же характерным образом искривлено. Фульротт в связи с этим предположил, что осанка человека, имевшего такое бедро, очевидно, не отличалась прямизной. Вероятно, он ходил, слегка сгорбившись, на согнутых и искривленных ногах.

Но еще большее удивление вызвала хорошо сохранившаяся черепная крышка. Судя по размерам, объем головного мозга, который она вмещала, приблизительно соответствовал цифре, характерной для современного человека,— что-то около 1 300 кубических сантиметров. Однако как объяснить, что конфигурация черепной крышки, ее рельеф так резко отличаются от черепа современного человека? У основания необыкновенно низкого, сильно убегающего назад лба возвышались огромные и массивные костяные дуги — надглазничные валики или надбровья. Ничего подобного нет у черепа человека — сходные в какой-то мере надбровья описывались зоологами у антропоидных обезьян! А как сильно уплощен черепной свод, как порази-

тельно низка его высота, какой он длинный, с очень массивным и большим затылочным гребнем, тоже приплюснутым сверху.

На долю Карла Фульротта выпала трудная задача. Закрепляя в последующие дни с помощью специального клея легко разламывающиеся кости таинственного существа из грота Фельдгофер, он не переставал раздумывать над тем, что могли означать неожиданные для человека особенности строения черепа, да и бедра тоже. И постепенно у Фульротта выкристаллизовывался достаточно еретический, но простой и логичный вывод. Французский анатом Этьен Сент-Илер заявил, что предков современных животных следует искать среди давно вымерших форм. И уже стало обычным делом среди палеонтологов открыть и объявить новый вымерший вид какого-нибудь животного. Почему же нельзя, обнаружив человеческий череп, обладающий невиданно примитивными особенностями, провозгласить существование в очень давние времена особого вида человека, предка современного homo sapiens — «человека разумного»? Почему человек не может иметь предка ледниковой эпохи? Человек наделен разумом, но почему именно это отличие должно оставить его без предшественника? Он оказывается уникальным явлением — у него в буквальном смысле нет ни роду, ни племени на земле!

Пусть человек — венец творения божьего. Но ведь никто теперь всерьез не верит, что животные вечно существовали в том самом виде, какими их сотворил господь: их изменяемость с течением времени — факт бесспорный, доказанный на десятках примеров палеонтологами. Если это так, значит, и человек менялся. Многие тысячелетия назад он выглядел иначе, а как именно — как раз и показывает находка в гроте Фельдгофер. Как иначе объяснить обезьяньи черты в строе-

нии черепа троглодита (пещерного жителя), жившего некогда в долине Неандерталь?

Иоганн Карл Фульротт — ученый, а не дилетант. Он прекрасно понимал, что его рассуждения, возможно, и верны, но пока слишком абстрактны. Себя он, пожалуй, убедил, что в гроте Фельдгофер открыт далекий предок современного человека, настолько далекий, что времени хватило избавиться от звериных черт, изобличающих животное происхождение «человека разумного». Но как уверить в правильности этого более чем смелого заключения ученый мир?

Трудно привести даже те доказательства, которых потребуют прежде всего. Если кости, которые он сейчас рассматривает, действительно останки предка человека, существа в антропологическом плане, несомненно, отличного от homo sapiens, то, естественно, они пробыли в глине Фельдгоферского грота десятки или даже сотни тысяч лет, то есть относятся ко времени делювиальному, ледниковому. Но как подтвердить глубокую древность находок? Необычайно примитивным строением черепной крышки и бедра? Это не доказательство, поскольку никто никогда не находил предка и антропологические особенности его неизвестны — их еще предстоит определить. Так что пока налицо заколдованный круг, из которого не видно выхода.

Правда, плохая сохранность костей, чрезвычайно твердая, почти окаменевшая глина, в которой они залегали, свидетельствовали о их значительном возрасте в геологическом смысле. Но, строго говоря, подобные рассуждения не более чем косвенные доводы, которые не выдержат критики. Так что если он рискнет сейчас же объявить о значении открытия в Фельдгоферском гроте, каким оно ему представилось, то можно не сомневаться — оппоненты его не пощадят. Достаточно вспомнить судьбу Буше де Перта с его каменными ору-

диями «допотопного человека». Разве не служат они уже десятилетие предметом насмешек даже для тех, кто по специальности просто обязан присмотреться к ним внимательнее. А ведь де Перт привел доказательства, несравненно более веские, чем может представить он. Но все же де Перту хватает смелости, терпения, самоотверженности в этой неблагодарной для него борьбе. Буше де Перт нашел инструменты древнейших людей, а в его, Фульротта, руки счастливый случай вложил, очевидно, их останки! То и другое поразительно, противоречит тому, что признано. Все предвещает ожесточенную борьбу, но когда же было иначе с истиной?

Мысли текли нескончаемой чередой, одни сомнения сменяли другие. А может быть, в гроте Фельдгофер действительно найдены кости пещерного медведя?. Кажется, пора прервать затворнические раздумья.

Прежде всего, надо показать странную находку специалисту в анатомии человека. Затем по возможности быстрее отправиться в долину Неандерталь и убедиться самому, что вместе с останками человека действительно не найдены ни кости животных, ни каменные орудия.

Фульротт посетил своего друга доктора Куна, и тот согласился, что кости принадлежат человеку. Затем профессор отправился к Фельдгоферскому гроту. Чтобы не возбуждать ажиотажа и кривотолков, в разговоре с рабочими он расспрашивал об останках медведя. Из бесед выяснилось, что они располагались в глине недалеко от входа в грот на глубине всего полметра, в то время как общая мощность глинистого заполнения не превышала полутора метров. Кости лежали на одном уровне и в пределах сравнительно ограниченного пространства. Перекрытые глиной, они, по-видимому, сохранили первоначальное положение, в котором ока-

залось тело в момент гибели или погребения. Интересно, что ближе всего к выходу из грота находилась черепная крышка. Следовательно, тело лежало головой на восток, вероятно, вдоль пещерной камеры, а не поперек ее. Все эти данные представляли большой интерес и радовали Фульротта.

Однако в целом поездка разочаровала — Фельдгоферский грот оказался непригодным для продолжения раскопок, поскольку глинистое заполнение камеры рабочие полностью выбросили за ее пределы. И, кроме «скелета медведя», они более ничего не находили. Оббитые камни также, по-видимому, не встречались или на них не обратили внимания. Таким образом, желанная надежда найти там костные останки вымерших животных или примитивные каменные орудия и тем самым подкрепить доказательство глубокого возраста человека с архаическими особенностями строения черепа, к великому сожалению Фульротта, не оправдалась.

Следовало подумать о том, что предпринять далее. Прежде чем объявить об открытии официально на каком-нибудь собрании ученых, компетентных высказать суждение о происхождении человека с чисто анатомической и антропологической точек зрения, желательно было бы выслушать частное мнение анатома, пользующегося в научном мире достаточным авторитетом. Доктор Кун — хороший врач, но анатомию человека он представляет не больше, чем нужно для определения болезней и лечения. Фульротт решил отправиться в Бонн, чтобы показать находку известному в Южной Германии специалисту в анатомии и истории профессору палеонтологии Герману Шафгаузену.

Волновался Фульротт ужасно. Однако все завершилось как нельзя лучше: после неторопливого осмотра и замера специальными инструментами параметров че-

репной крышки Шафгаузен поздравил коллегу с необычайно интересным открытием.

Нет никакого сомнения, уверенно говорил он возбужденному Фульротту, что существо, бренные останки которого посчастливилось найти в Неандертале,— необыкновенно архаичный и грубый по своему анатомическому строению человек. Чего стоят эти ужасные, поистине обезьяньи козырьки над глазницами. А как удивительно низок, будто деформирован, лоб, скошенный, «убегающий» назад. Можно подумать, что удар чудовищной силы смял лобные кости и сделал их плоскими. Но никакой деформацией нельзя достигнуть такой конфигурации черепной крышки: как ни изменяй перебинтовкой податливые в детстве кости черепа, вряд ли удастся «вырастить» к зрелому возрасту костяные гребни надбровий и такой массивный затылочный валик. Так не сплюснешь сверху затылочную часть, не сделаешь черепную крышку низкой, длинной и широкой.

Человек с черепом большим, чем у современных людей, но по своему строению близким черепу крупных антропоидных обезьян, бесспорно, обладал огромной силой. Даже если его мозг не был так совершенен, как мозг homo sapiens, он все равно должен был превосходить в могуществе любого, самого сильного хищника. Борьба за жизнь в те далекие времена была, по всей вероятности, безжалостной. Шафгаузен обратил внимание Фульротта на глубокие вмятины на поверхности черепной крышки — следы сокрушительных ударов. Человек не умер от них, поскольку налицо признаки прижизненного заживления ран, и кто знает, куда пришелся удар, который, возможно, привел к гибели троглодита грота Фельдгофер?

Подводя итог, Шафгаузен сказал Фульротту, что по примитивности строения кости человека из Неандер-

таля не имеют себе подобных среди известного ему антропологического материала. Поэтому у него нет возражений против вывода о том, что находка позволяет воссоздать облик далекого предка homo sapiens. Нет сомнений, что человек из Фельдгофера жил по крайней мере в конце того периода, когда значительную часть севера европейского континента покрывали мощные ледяные поля. Как жаль, что именно о геологической датировке троглодита из Неандерталя нельзя сказать что-либо определенное!

Но это не должно препятствовать по возможности быстрому информированию анатомов и палеоантропологов о необычайно интересном и примечательном открытии. Ведь, в сущности, впервые проблема происхождения человека ставится на прочную базу точных наблюдений, находка позволяет отказаться наконец от чисто логических построений и фантастических выдумок. Первым делом следует написать небольшую информационного плана статью. Смелость сделать это может взять на себя он, Герман Шафгаузен, если разрешит главный виновник исключительного по значению события. А как только представится возможность, надо объявить о находке на одном из предстоящих съездов естествоиспытателей. Фульротт согласился с его предложениями.

Весной 1857 года в Эльберфельд пришло письмо, в котором профессора Фульротта приглашали принять участие в заседании научной сессии Нижнерейнского общества естественных и медицинских наук. Шафгаузен помнил о договоре! Это очень удобный случай придать открытию в Неандертале широкую огласку, как оно того и заслуживало, и увидеть воочию реакцию широкого круга ученых. Черепную крышку надо везти в Бонн и показать во время доклада, чтобы словесные живописания и заключения, сами по себе достаточно

малоправдоподобные, наглядно подтверждались самой находкой.

Сначала все шло как нельзя лучше. Фульротт подробно изложил обстоятельства счастливой находки в Неандертале, описал, как залегали кости в глинистых отложениях грота Фельдгофер, остановился на характеристике архаических особенностей скелета, уделив особое внимание черепной крышке. В конце доклада он показал свою находку и высказал предположение о ледниковом возрасте человека, которого, исходя из особенностей анатомического строения останков, следует считать представителем древнейшего населения Европы.

Шафгаузен выступил вслед за Фульроттом и поддержал главные доводы — да, действительно, судя по всему, это существо еще даже не избавилось полностью от обезьяньих черт в строении своего тела, что позволяет рассматривать его как одного из древнейших людей.

Но, как выяснилось, Шафгаузен оказался первым и последним сторонником докладчика. Нельзя сказать, что те, кто принял затем участие в дискуссии, высказали сомнения по каждому из выдвинутых Фульроттом утверждений. Напротив, со многими заключениями участники сессии без колебаний согласились. Однако заканчивались выступления примерно одинаково: поскольку нет доказательств ледникового возраста слоя глины, в котором залегали кости человека, нет достаточного основания относить время его жизни к древним эпохам. Может статься, что жил он совсем недавно, и в таком случае необычные особенности скелета следует объяснять другими причинами. Какие факты, опровергающие скептицизм, могли противопоставить Фульротт и Шафгаузен? Пока никаких.

Но деятельная натура эльберфельдского профессо-

ра не может ждать, пока все образуется само собой. Текст своего сенсационного выступления он отправил в научный журнал, назвав его следующим образом: «Останки человека из грота Фельзен долины Дюссель. Заметка к вопросу о существовании ископаемого человека». Редакция раздумывала почти два года, затем все же рискнула напечатать доклад, но сопроводила публикацию комментариями, смысл которых сводился к тому, что сотрудники журнала не несут ответственности за ее содержание, а тем более за выводы. Одним словом, на всякий случай создавалось впечатление, что она издана как некий курьез.

Тем не менее выход в свет в 1859 году первого сочинения об открытии в Фельдгоферском гроте составил Фульротту более обширную и разнообразную аудиторию, чем та, что слушала его в Бонне. О находке останков обезьянообразного человека заговорили не только в Германии, но и в Бельгии, Франции, Англии. Особое внимание обратил на нее один из ближайших друзей Дарвина английский геолог Чарлз Лайель, одержимый идеей доказать глубокий возраст рода человеческого. Когда он прочитал заметку Фульротта, то понял, что троглодит, вероятно, представляет собой как раз давно искомое загадочное существо, названное археологами «допотопным предком». Ему, геологу, сразу бросилось в глаза самое слабое место гипотезы эльберфельдского профессора — отсутствие доказательств значительной древности глинистых отложений, в которых покоились костные останки. Решение созрело мгновенно: надо ехать в Германию и вместе с Фульроттом осмотреть место находки.

В 1860 году Лайель прибыл в долину Неандерталь и внимательно изучил окрестности Фельдгоферского грота. От той поездки сохранился эскиз, позволяющий представить в разрезе известняковую скалу, что круто

поднималась над рекой Дюссель, сравнительно обширное убежище и пласт песчанистой глины, которая, как одеяло, покрывала плоскую вершину горы с редкими деревьями. Изучение грота не позволило Лайелю установить возраст отложений, заполнявших камеру, что, впрочем, не помешало ему поддержать точку зрения Фульротта.

Правда, в своих взглядах он был менее решителен. Порой ему казалось, что зверообразный человек из Неандерталя жил все же сравнительно недавно и поэтому необычные анатомические особенности черепа и конечностей проще объяснить нарушениями в развитии индивида. Кроме того, как это ни покажется странным, его, эволюциониста по духу, вообще смущал неандертальский монстр. Выдающийся ученый, который сделал в свое время больше, чем кто-либо из геологов, для подтверждения идеи существования ископаемого человека, вместе с тем проявлял, оказывается, слабость: по собственным словам, он питал непреодолимое отвращение к мысли о возможном, пусть даже очень далеком родстве своем с обезьяной!

И все же в высказываниях Лайеля преобладали утверждения, подчеркивающие выдающееся значение находки для раскрытия процесса становления homo sapiens, высокая честь и мужество понять которую принадлежала Фульротту. Профессор гимназии Эльберфельда гордился, что его открытие привлекло внимание выдающегося геолога Европы. Хотелось бы, конечно, слышать бóльшую определенность в суждениях знаменитости, но разве виноват Лайель, что в гроте ему не посчастливилось найти ни одной косточки вымерших животных? Неужто заклятое препятствие так и останется непреодолимым? Фульротт и Лайель встретились еще раз в 1868 году. Но как ни приятно прошла встреча, кости из Неандерталя, которые хранились в доме

Фульротта, не могли рассказать больше, чем удалось узнать от них ранее.

Лайель не единственный из английских ученых, кто ободрял Фульротта и поддерживал в нем уверенность в значительности открытия. Анатомы Англии тоже с большим интересом встретили сообщение о Фельдгофере и воздали должное исследователю найденных там останков. Среди высказанных точек зрения наибольшее внимание ученого мира привлекла позиция выдающегося анатома Генри Гексли, соратника Дарвина. Гексли, ознакомившись с описанием останков неандертальца, немало подивился их необычайно примитивным особенностям. Люди, обладающие столь звериными чертами, заявил он, относятся к той стадии развития человечества, представители которой не сохранились на земле. Даже аборигены Австралии, по мнению Гексли, наиболее примитивный в физическом смысле тип «человека разумного», несравнимы с троглодитом из Неандерталя, настолько он зверообразен! Утверждение такого рода не столь заурядно, как может показаться с первого взгляда. Достаточно сказать, что сам Дарвин, лидер эволюционистов, так и не высказался достаточно определенно по поводу находок Фульротта, только однажды скупо указав на открытие в Фельдгоферском гроте. Сдержанность Дарвина тем более примечательна, что короткая безликая фраза написана им на одной из страниц великого творения — книги, озаглавленной так: «Происхождение человека»!

Что касается других, то характерно слово, брошенное мимоходом английским натуралистом Альфредом Уоллесом: «Дикарь!» Он выразил уверенность, что ничего подобного археологи никогда не найдут — настолько курьезен и уродлив троглодит из Фельдгофера.

Однако помощник Лайеля, ирландский антрополог Вильям Кинг, придерживался противоположной точки зрения: существо из Неандерталя представляет особый тип людей, достаточно широко распространенный когда-то в Европе. Он выделил это творение природы в особый вид, назвав в отличие от homo sapiens («человека разумного») — homo neandertalensis («человеком неандертальским»). Иоахиму Нойманну-Неандеру еще раз повезло — его звучный псевдоним стал составной частью имени самого древнего из предков людей.

Но, кроме этих, пусть очень важных свидетельств признания, какой шквал насмешек, сомнительных острот, пристрастных, яростных суждений обрушился на Фульротта! Возобладавшее в 60-е годы мнение можно выразить словами: «Этого не может быть!» Прежде всего, не хотели поверить в главное: в гроте Фельдгофер удалось найти останки существа, резко отличного во многих деталях строения костных структур от homo sapiens. Им казалось, что нечто подобное могло встречаться если не у современных людей, то у тех, кто жил на севере Европы какой-нибудь десяток веков назад. Чтобы нагляднее представить характер возражений Фульротту и понять, насколько крепкими следовало иметь нервы, выслушивая подобное, приводим некоторые классические образцы.

Париж. Аудитория Антропологического общества. На трибуне видный французский антрополог Прюнер-Бей:

— ...У меня нет сомнений, господа, что в долине реки Дюссель обнаружены костные останки древнего кельта. Конечно, черепная крышка, описанная профессором Фульроттом, достаточно странная, но он не учел одного обстоятельства — ему посчастливилось найти скелет не нормального кельта, а идиота от рождения. Совершенно очевидно, что физические и психические

нарушения нашли яркое отражение в особенностях строения костей, выкопанных из глины. Обратите внимание на значительную кривизну бедра, господа: она означает, что кельт ходил сутулясь и сильно согнув ноги в коленях! Таков итог моих раздумий над «курьезом природы» из грота Фельдгофер...

Геттинген. Перед коллегами выступает анатом Рудольф Вагнер:

— ...По моему мнению, антропологические особенности строения черепной крышки, а также других частей скелета дают возможность утверждать, что в Неандертале найдены останки пожилого эмигранта из Голландии...

Бонн. Мыслями о находке делится земляк Фульротта, анатом Август Франц Мейер:

— ...Мне кажется, разгадка тайны грота Фельдгофер до смешного проста. Для меня очевидно, что никакого особого неандертальского человека нет, поскольку я могу точно сказать, когда умер тот, кого нашли в гроте,— ровно полвека назад, в 1814 году. Сейчас разъясню, господа, немного терпения! Все дело в том, что в особенностях строения черепной крышки отчетливо проглядываются монголоидные черты. Если к этому добавить необычайно изогнутое бедро, то все сразу станет на место: это погребение монголоидного казака! Как он мог оказаться на берегах реки Дюссель, спросите вы? Те, кто внимательно слушал меня, надеюсь, догадались: 1814 год — именно тогда по долине Рейна проходила армия русского генерала Чернышева. Старики помнят, какие ожесточенные сражения развернулись тогда с авангардом войск Наполеона Бонапарта — они привели к большим потерям с обеих сторон. Я как бы воочию вижу трагедию: тяжело раненный казак в поисках пристанища заползает в Фельдгоферский грот. Он смертельно ранен и вскоре уми-

рает в страшных мучениях. Пять десятилетий вполне достаточно, чтобы труп занесло глиной. Вот почему черепная крышка обладает монголоидными особенностями. Что касается бедра, то его необычная изогнутость объясняется просто: вы видите бедро воина, редко слезающего с лошади! Остается последний вопрос — каков возраст первобытного человека? По-моему, несерьезно говорить о допотопной эпохе. 8000 лет — таков крайний, с разного рода возможными допусками предел времени его существования. На эту тему я написал статью, которую в скором времени опубликую...

Но были и более серьезные попытки объяснить особенности строения останков неандертальца. Медики обращали, в частности, внимание на разного рода патологические изменения и всевозможные отклонения от нормального развития в процессе роста и старения организма.

Лондон. Речь произносит анатом Бернард Дэвис:

— ...Камнем преткновения при анализе структуры черепной крышки из Неандерталя стали обезьяньи валики над глазницами и массивный гребень в ее затылочной части. Можно ли объяснить такое явление, не обращаясь к сомнительной гипотезе о ледниковом предке homo sapiens? Осмеливаюсь заявить, что можно. Представьте, что швы, скрепляющие отдельные составные части черепа, по какой-то не совсем ясной причине срослись значительно раньше положенного времени. Костное вещество взбугрилось в нижней части лобной кости, а также в районе затылка. Не удивительна поэтому странная уплощенность лба, небольшая высота черепа и, напротив, столь значительная длина и ширина его...

В том же направлении работала мысль крупного немецкого врача и патологоанатома Рудольфа Вирхо-

ва, слово которого, учитывая огромный авторитет его в кругах специалистов, изучавших человека, могло бы направить обсуждение проблемы по более плодотворному пути. Однако Вирхов не верил, что некогда существовал обезьянообразный предок человека, изменившийся с течением времени до неузнаваемости. Тонкий и проницательный врач, интуиция которого легендарна, смотрел на необычные кости сквозь призму любимой патологоанатомии и ничего, кроме намеков на патологию, не видел.

Берлин. Зал, где происходят заседания Международного съезда антропологов. Вирхов, как в анатомическом кабинете, устанавливает диагноз болезней человека из грота Фельдгофер:

— ...Нам не уставая указывают на убегающий назад лоб и большую длину черепной крышки. Но человек с отмеченными особенностями может родиться вне зависимости от мистических законов эволюции! Непривычно изогнутое бедро и тазовые кости? Такой странный вопрос могут задавать люди, никогда в жизни не слыхавшие о том, какие превращения случаются с костями, когда они подвержены в течение длительного времени рахиту. К тому же лишь слепец не заметит на них очевидные следы старческой подагры!

Человек эпохи ледников? Но ведь никто никогда не находил его останков, а следы делювиальной культуры сомнительны! Древний охотник примитивнее современного? Абсурд, ибо в таком случае необъяснимо, как он мог выдержать жестокую борьбу за выживание! Это не означает, господа, что я вообще не признаю существования людей, шагавших по планете тысячелетия назад. Вот, например, люди каменного века, которые строили некогда на озерах Швейцарии дома на сваях. Десятки веков отделяют нас, но черепа озерных жителей едва ли отличимы от современных. Я убежден,

что тело человеческое изначально такое, каким мы, анатомы, его знаем.

Что мог противопоставить Фульротт такой атаке авторитетов и знатоков, неустанно поучающих, указывающих, разъясняющих? Ничего нового, кроме тех же удивительных особенностей черепной крышки и бедра да уверенности в справедливости эволюционных идей применительно к проблеме становления человека. Оставалось ждать появления новых фактов, а пока для него главным объектом исследования по-прежнему были останки неандертальца. Как результат усердных занятий в свет вышла вторая работа Фульротта, названная значительно определеннее, чем прежняя: «Ископаемый человек из Неандерталя». Заголовок говорит сам за себя: Фульротт ни на йоту не отступил от высказанных им ранее взглядов на значение удивительной находки.

Тем временем появились наконец сведения о долгожданных открытиях. Во Франции маркиз Вибрэ во время раскопок пещеры Фей, расположенной в департаменте Ионны около местечка Арен Сюр-Кюр, знаменитого многочисленными гротами, обнаружил в самой нижней части рыхлого заполнения скального убежища обломок нижней челюсти человека, а также зуб и первый шейный позвонок. Челюсть слишком массивная и тяжелая, чтобы не обратить на нее внимания. Что если как раз такая соответствует черепу из Неандерталя? К тому же древность ее вне сомнения — с нею помимо чрезвычайно примитивных каменных орудий залегали кости вымерших животных ледниковой эпохи — пещерного медведя, пещерной гиены, шерстистого носорога и мамонта. Укрепила ли новая находка позицию Фульротта? Как бы не так: во-первых, далеко не все осведомлены о ней, а во-вторых, не докажешь, что именно такого типа челюсть находилась в гроте Фельд-

гофер. Трудно сказать, имел ли Фульротт отношение к исследованиям, развернувшимся в 1864 году в окрестностях грота Фельдгофер, но руководителю их Гансу Дехену посчастливилось обнаружить на берегу реки Дюссель в слоях, датированных ледниковым временем, останки тех же животных, которые извлек из пещеры Фей маркиз Вибрэ, и кроме того кости лошади. Если бы они залегали в глине самого грота! Но поскольку новые находки были обнаружены не в нем, то они в расчет не принимались.

1864 год мог стать переломным вследствие еще одного выдающегося события в истории поисков древнейших людей: английский геолог Георг Баск объявил участникам конгресса в Норвиче об открытии в Гибралтаре черепа со знакомыми особенностями. Находка, как выяснилось, сделана более полутора десятка лет назад, 3 марта 1848 года, и честь первым представить миру череп принадлежит не Баску, а лейтенанту королевской армии по фамилии Флинт. Это он руководил взрывными работами на северном склоне горы у карьера Форбес, где военное начальство решило возвести еще одну артиллерийскую огневую позицию, дабы увеличить огневую мощь скалы, запирающей проход в Средиземное море. После одного из взрывов, когда расчищалась площадка для орудий, в каменной стене обнаружился вход в пещеру, ранее скрытый склоновыми обвалами. Дальнейшие события у Гибралтарской скалы почти в точности повторили неандертальское происшествие. Когда рабочие начали выбрасывать глинистое заполнение пещеры, к склону горы для инспекции хода работ направился Флинт. Он подоспел как нельзя вовремя — вместе с комьями земли из пещеры внезапно выкатился череп. У него отсутствовала нижняя челюсть и левая часть черепной крышки. Сильно покатый лоб, нависшие над глазница-

ми костяные гребни, массивные и грубые кости лица и зубы настолько удивили лейтенанта, что он прихватил находку с собой.

Флинт не Беккерсгоф — он сам интересовался разного рода древностями и редкостями и к тому же занимал пост секретаря научного общества крепости Гибралтар. Так что, пожалуй, в любом случае, если бы даже череп не отличался звериными чертами, лейтенант поднял бы его и присоединил к коллекции общества. Однако, с другой стороны, очевидно, что Флинт не Фульротт. Во всяком случае, сообщение, которое он сделал о находке на очередном заседании любителей науки крепости Гибралтар, сенсации не произвело — череп как череп, мало ли их находят в земле? Очевидно, и в зале не нашлось человека с воображением Шафгаузена. Так что дело завершилось прозаически: Флинт, не подозревая, какую ценность вручила ему в руки судьба, запаковал череп и уложил «экспонат» в один из ящиков, где хранились коллекции Гибралтарского научного общества. Так и пролежал он в хранилище местного музея 14 лет, пока в крепость не заехал Баск, который занимался поисками костных останков животных ледникового времени. В районе знаменитой скалы гость провел полевые работы, а кроме того, старательно проработал коллекции хранилища музея. В 1862 году он отправил в Англию закупленные им наиболее ценные экспонаты, в том числе череп, на этикетке которого написал всего одно слово: Homo.

В докладе, прочитанном в 1864 году на конгрессе Британской ассоциации наук в Норвиче, Баск заявил, что гибралтарский череп принадлежал человеку неизвестной расы. Судя по всему, он близок неандертальцу и потому позволяет полнее представить особенности строения черепа троглодита — у него сохранились ли-

цевая часть, затылок и база. Объем мозга составляет 1200—1296 кубических сантиметров.

Выводы Баска не показались участникам конгресса убедительными. Ведь, как и Фульротт девятью годами раньше, он не мог сказать ничего определенного относительно главного — какой эпохой следует датировать находку. Правда, Баску удалось собрать в районе Гибралтарской скалы кости вымерших животных ледниковой эпохи, но он геолог и сознавал слабость своей позиции — ведь останки фауны найдены вне пещеры, а лейтенант Флинт не заметил, а вероятнее всего, просто не подумал собрать кости животных, которые, возможно, откопали вместе с черепом. Туман сомнений не рассеивался, хотя, судя по всему, наступало новое время. К тому же русские войска не высаживались у скалы Гибралтар, и раненый казак не мог заползти в пещеру, где теперь располагался карьер Форбес! Доклад Баска привлек внимание анатомов. Когда он в 1869 году подарил череп из Гибралтара королевскому колледжу хирургов, то его изучением занялся сначала Хью Фальконер, а затем с особым пристрастием и вниманием — французский антрополог Поль Брокá. Вскоре стало ясно, что от находки Флинта не отделаешься шутками. Фальконер пришел к заключению, что череп принадлежит представителю вымершей расы. Поэтому он предложил выделить еще один вид первобытного человека помимо неандертальского, назвав его «человек гибралтарский».

Итак, к началу 70-х годов у homo sapiens обнаружилось сразу два предполагаемых предка — неандерталец и гибралтарец, причем не исключалась возможность, что оба они представляют сходную разновидность древнейших людей, которую по праву первооткрывателя следовало бы назвать одним именем — неандертальцы.

А тем временем подоспели новые, поразительные по неожиданности удачи. В 1856 году знаменитый бельгийский геолог Е. Дюпон начал раскопки пещеры Троу де ла Нолетт на левом берегу реки Лэйзи около города Динанта. И там, в грунтовых слоях, где часто встречались примитивные каменные орудия и кости давно вымерших животных, ему посчастливилось обнаружить клык, локтевую кость и большой обломок нижней человеческой челюсти, лишенной зубов. Последняя находка возбудила не меньше страстных споров и противоречивых откликов, чем в свое время открытие черепа в гроте Фельдгофер.

Когда челюсть попала в руки антропологов, ее броские анатомические особенности произвели сильное впечатление. Она была непривычно больших размеров, значительной массивности и обладала необыкновенно грубым рельефом, который ярко характеризовал исключительный по мощи жевательный аппарат человекообразного существа, хозяина пещеры. Такой челюстью, как на гранитных жерновах, можно было перемалывать не просто грубую пищу, но, пожалуй, и кости. Не ее ли зубы раздробили те из них, что встречались в слое вместе с каменными орудиями? Вряд ли следовало удивляться подобным мыслям — альвеолы, гнезда для зубов, особенно те из них, в которых некогда размещались коренные, были просто огромных размеров. Можно представить, какие зубы удерживала челюсть!

Но больше всего волнений вызвала область подбородка. Специалисты вначале отказывались верить глазам: подбородочный выступ у челюсти из пещеры Троу де ла Нолетт отсутствовал! Но такое наблюдалось до сих пор лишь у антропоидов (человекообразных обезьян). Невероятно! Неужели обезьяна выделывала орудия и жила в пещере на берегу Лэйзи?

Но во-первых, клык и локтевая кость принадлежали скелету homo, во-вторых, обезьяна — теплолюбивое животное и не могла существовать в одних условиях с гигантами ледниковой эпохи, и, наконец, в-третьих, челюсть, несмотря на ее грубость, все же относилась по типу к человеческой, но не к антропоидной. Пещеру, несомненно, заселял первобытный охотник, но столь же отличный по облику от homo sapiens, как примитивны его каменные орудия в сравнении с продукцией индустрии века пара и электричества.

Изучением челюсти, найденной Дюпоном, занимался вначале Прюнер-Бей, тот самый, кто заявил в свое время, что черепная крышка из Неандерталя принадлежала старому кельту, да к тому же еще идиоту. На сей раз, публикуя результаты исследования находки из Троу де ла Нолетт, он воздержался от легкомысленно-иронического тона. Человеческая, но с обезьяньими особенностями часть черепа найдена в ходе безукоризненно проведенных раскопок в точно зафиксированном слое, который костями мамонтов и носорогов датировался ледниковой эпохой. У Дюпона было все, чего так недоставало Фульротту. Чтобы возвестить полный триумф идей Фульротта, Прюнер-Бею осталось сделать вывод, что челюсть из пещеры Бельгии и череп из грота Рейнской Пруссии представляют костные останки одного типа первобытного человека. Счастливое «озарение» снизошло, однако, не на него, а на известного французского натуралиста Е. Т. Гами, который давно разрабатывал проблемы «палеонтологии человечества»: черепная крышка из Неандерталя с убегающим лбом и массивными надглазничными валиками и челюсть из Троу де ла Нолетт, лишенная подбородочного выступа, принадлежали черепу представителя людей «одной, так сказать, расы», жившей в пещерах Европы в ледниковое время!

Казалось бы, заключение, высказанное Е. Т. Гами печатно, устранялс наконец преграды к признанию выдающегося значения открытия, сделанного Фульроттом четырнадцать лет назад. Тем более что в том же году во Франции в пещере Гурдан, расположенной на территории департамента Верхняя Гаронна, удалось извлечь фрагмент челюсти, похожей на ту, которую нашел Дюпон. Вместе с нею сохранились обломки лицевых костей, и они оказались сходными с соответствующими частями гибралтарского черепа.

Как бы не так, хотя возражения не отличались новизной: ни неандертальский, ни гибралтарский череп невозможно датировать точно, поскольку вместе с ними не найдены кости ископаемых животных; тот и другой найдены без нижних челюстей, поэтому нельзя с уверенностью утверждать, что находкой в Троу де ла Нолетт представлен неандерталец. Следовательно, челюсть из бельгийской пещеры, хотя она и найдена вместе с костными остатками фауны ледниковой эпохи, не определяет древности останков людей из грота Фельдгофер и пещеры карьера Форбес. Никто из серьезных исследователей не рискнет утверждать, опасаясь прослыть фантазером, что предугадает, каким окажется череп, у которого была такая обезьянья челюсть. Разве есть закономерности, позволяющие предсказывать контуры всей структуры по незначительной части? Правильнее предположить, что череп человека, вместилище разума, и десятки тысячелетий назад выглядел так же, как сейчас. Можно, в крайнем случае, допустить, что челюсть нашего предка напоминала некогда обезьянью, но мозг этого существа размещался в черепной коробке, которую без существенных изменений наследовал homo sapiens.

Этой дискуссии не видно было конца. Иоганн Карл Фульротт скончался в 1877 году на семьдесят третьем

году жизни. Ему не посчастливилось дожить до дня, когда он смог бы сказать: «Вот видишь — все же ты был прав тогда!» Он понимал, что у дела, которому он верно служил, будет долгая история: «Окончательное решение о существовании ископаемых людей я предоставляю будущему».

...Более двух веков человек особенно напряженно ищет своего предка. И все же, как видим, когда в руки первых счастливцев попали костные останки существа, жившего на планете десятки, сотни тысяч лет назад, большинство изумленных потомков отказалось признать его: неужели это сутулое чудовище с грубым обезьяньим лицом, огромными гребнями над глазницами и приплюснутым, убегающим назад лбом в самом деле прародитель?

Питекантроп — он предок человека!

ЭЖЕН ДЮБУА

В конце октября 1887 года на небольшом бриге, на котором военное ведомство Нидерландов посылало на остров Суматру снаряжение и продовольствие своим колониальным войскам, Амстердам покинул молодой доктор медицины и естественных наук Эжен Дюбуа, всего лишь год назад ставший ассистентом Амстердамского университета. Чтобы отправиться туда, он сменил преподавательскую карьеру на звание «офицера второй категории», а попросту говоря, армейского сержанта. Он отправился разыскивать ископаемого предка человека. Большинство знавших его могли объяснить такой поступок только его неимоверным упрямством, потому что трудно было принять всерьез то, чем он мог его обосновать.

В 1863 году Эрнст Геккель произнес знамени-

тую речь на заседании естественноисторического общества в Штеттине. Тогда он впервые заявил, что у обезьян и человека одни предки и все дело в том, чтобы найти звено, связывающее их. Через пять лет после доклада вышла в свет его не менее знаменитая «Естественная история мироздания». В ней Геккель доказывал, что из всех антропоидных обезьян не шимпанзе Африки, а гиббоны юго-востока Азии наиболее близки человеку и, следовательно, именно там вероятнее всего располагается прародина.

Геккель не только разработал гипотетическую схему эволюции рода homo, родословное древо человека, но даже (каково нетерпение!) еще до открытия «недостающего звена» определил ему место на двадцать первой, предпоследней ступеньке эволюционной лестницы и дал имя pithecanthropus alalus — «обезьяночеловек бессловесный». В своей симпатии к гиббонам Геккель был почти одинок, зато в вопросе о месте возможной прародины человека у него нашелся неожиданный союзник — уже известный нам Рудольф Вирхов.

Прародину человека, которая находилась когда-то между Индией и Вест-Индией, поглотил океан. Вирхов называл ее Лемурией. Но Суматру и Яву он считал осколками этого материка. К тому же он давно выражал неудовольствие, что ведется только теоретическая разработка проблемы «недостающего звена»: «Надо взяться наконец за лопату и перестать фантазировать!»

Что же, у них нашелся одержимый последователь, который поверил, что в антропологии, как и в астрономии, возможно открытие, предсказанное пером. Однако руководство Амстердамского университета отказалось субсидировать поиски Дюбуа: «Подобные затеи надо оплачивать из собственного кармана».

Прошло немало времени, прежде чем позади остались Атлантика, Средиземное море, Персидский залив и на горизонте показалась зеленая каемка земли, которая медленно вырастала из моря. Это была Суматра с ее извилистым низким берегом, покрытым плотной грядой тропического леса, и синеватой цепью холмов и гор, подернутых полупрозрачной дымкой. Рощицы высоких с развесистыми кронами пальм отмечали место, где располагался военный порт Паданг. Обменявшись салютом с береговой батареей, бриг вошел в бухту и бросил якорь. Через несколько часов Дюбуа представили начальнику гарнизона Паданга, а затем он познакомился с госпиталем, где ему предстояло начать военную службу. Ни о каком отступлении назад теперь не могло быть и речи. Для обследования пещер Суматры, где Дюбуа надеялся найти череп предка, у него оставалось только свободное от службы время.

Упорство в жизни вознаграждается, но далеко не всегда. Пещеры Суматры так и не осчастливили Дюбуа. Поэтому как нельзя кстати подоспело письмо из Батавии (голландское название Джакарты): 14 апреля 1890 года ему вручили официальное разрешение Рудного Бюро начать исследования на Яве. Это был выход из тупика, в котором оказался «упрямец из Амстердама». Он незамедлительно поспешил им воспользоваться. Окончательно освободившись от обязанностей в военном госпитале Паданга, Дюбуа покинул Суматру и с легким сердцем отправился на Яву.

...На 60 миль протянулась вдоль рек Бенгаван и Мадиун низкая гряда холмов Кенденг — от Кедири Мадиун и Сурокарты, с одной стороны, и от Рембанга до Самаранга — с другой. Всюду в этом обширном ареале речных долин располагались местонахождения костей вымерших животных. Каждый из пунктов имел

протяженность от 1 до 3 миль, и любой шаг здесь мог привести к неожиданному открытию. Слои разных геологических формаций достигали толщины десятков и сотен метров: отложения моря, бурных пресноводных потоков, пласты вулканического пепла и золы. Окаменелости позволяли определить время образования слоев, а тем самым характер природного окружения в центральных районах Явы сотни тысяч лет назад. Дюбуа, увлеченный сборами, потерял счет дням, и только приближающийся сезон ливней заставил прекратить поиски.

Осмотр разрушенных обвалами берегов удалось возобновить в августе 1891 года. В долине реки Бенгаван на левом берегу у подножий холмов Кенденг, тянущихся непрерывной узкой цепочкой с востока на запад, были открыты богатые костеносные горизонты. В особенности поразили Дюбуа мощность и значительная протяженность древних вулканических слоев, выступающих из воды в районе городка Нгави и небольшого компонга (деревушки) Тринил. На семь с половиной миль протянулись крутые обрывы, и каждый очередной участок левого берега казался заманчивее пройденного ранее! Никогда еще не попадались в таком изобилии тяжелые кости — ящики, предназначенные для коллекций, стремительно наполнялись.

В течение нескольких недель продолжалось обследование окрестностей Тринила. Кончался сухой сезон, уровень мутно-серой воды в Бенгаване резко понизился, на поверхность выступили густо насыщенные костями слои вулканических пеплов. Дюбуа пожинал богатый осенний «урожай» находок. Посчастливилось найти даже обломки костей низших обезьян — макак. Однако ничто так не обрадовало его и не окрылило новыми надеждами, как зуб, который он извлек в сентябре 1891 года со дна неглубокой ямки, расположенной на

склоне Тринильского мыса в слое лапилли (лава, застывшая небольшими округлостями, до грецкого ореха величиной). Он сразу понял, какое животное могло «потерять» этот зуб,— настолько хорошо он сохранился и так выразительны были его характерные особенности. Судя по рельефу жевательной поверхности, величине коронки, широко расставленным корням, третий коренной зуб, который выпал когда-то из правой ветви верхней челюсти, принадлежал, несомненно, одной из разновидностей высших приматов — крупной антропоидной обезьяне или... первобытному человеку!

Открытие зуба удвоило энергию Дюбуа. Все помощники и он сам переключились на самый тщательный осмотр обнажений Тринильского мыса. Но вскоре стало ясно, что поверхностный осмотр места находки зуба и прилегающих участков мыса не даст желанных результатов, если не совместить его с настоящими раскопками. И тогда Дюбуа нанял мужчин деревни Тринил. Крестьяне-малайцы, которым объяснили задачу, принялись копать слой лапилли, выискивая в нем кости. С особой тщательностью велись раскопки около углубления, в котором Дюбуа обнаружил зуб. Не найдутся ли в том месте и другие части скелета?

Слой удалялся за слоем, из вулканического туфа извлекались многочисленные обломки костей, которые Дюбуа едва успевал просматривать. Прошла первая, вторая и, наконец, третья неделя раскопок. Ни одной даже самой незначительной косточки шимпанзе среди тысяч костей слонов, носорогов, свиней, тигров, гиппопотамов! Но вот в один из октябрьских дней малаец, который копал недалеко от углубления, в котором нашли зуб, наткнулся на нечто шаровидное. Оно было включено в окаменевший вулканический туф. Когда блок со странной находкой со всевозможными предосторожностями извлекли и Дюбуа осмотрел «шар»,

стало ясно, что в руках у него находится черепная крышка, вероятно, того самого существа, которому принадлежал зуб.

Кость, тяжелая, как мрамор, из-за минерализации и хранящая холодок древнего слоя земли, имела темный шоколадно-коричневый цвет и таинственно поблескивала на солнце мелкими кристалликами пиритов. Черепной крышке определенно пришлось много испытать, прежде чем она попала в руки человека: поверхность ее была покрыта большим количеством мелких выемок, канавок и следами сильной коррозии. Особенно глубокие лунки были по краю верхушки черепа, где просматривались границы слома кости. Дюбуа измерил расстояние от места, где залегала черепная крышка, до участка, где месяц назад он нашел зуб. Находки, которые доставили ему столько волнений, разделяло пространство всего в три ярда (2 метра 74 сантиметра)! До чего же тяжелы, но и чудесны эти последние ярды, возвещающие торжество его трудно объяснимого предчувствия, что он с самого начала находился на правильном пути.

Впрочем, сказать так — значит забегать вперед. Требовалось сделать еще одно открытие, чтобы раскрылась глубинная суть «содеянного». А до того счастливого момента оставалось «всего» два года! Как же несправедливы те, кто представит потом Дюбуа человеком с «легкой рукой», которому не составляло никакого труда «делать» открытия...

А пока он в одной из хижин Тринила с помощью долота и молотка освобождал костяной шар из каменного плена. Через несколько дней черепная крышка лишилась последних остатков туфового обрамления и можно было приступить к внимательному осмотру и необходимым измерениям. Череп сохранился далеко не полностью: у него отсутствовали все лицевые кости

и основание, так что реконструировать первоначальный облик было нелегко. Общий вид черепной крышки не оставлял у Дюбуа сомнений, что она принадлежала какому-то крупному антропоиду, вероятнее всего шимпанзе. Сильно покатый узкий лоб действительно напоминал лоб шимпанзе. Так же как у нее, наиболее широкая часть черепа, если на него смотреть сверху, располагалась ближе к затылку, а не по центру, как у современного человека. Примитивность существа из Тринила выдавали, кроме того, очень малая высота черепной крышки, сильно уплощенный затылок, а также массивные валики в виде козырька, как у обезьян, нависающие над глазницами. Посредине лба, где у обезьян поднимается костяной гребень, Дюбуа отметил возвышение, протянувшееся в виде валика. В какой-то мере тринильская черепная крышка напоминала не только череп шимпанзе, но и гиббона, хотя для сравнения черепную крышку последнего следовало бы увеличить в два раза!

Когда Дюбуа измерил ее длину и ширину, полученные цифры озадачили его — 182 и 130 миллиметров! Пока внутреннюю полость крышки, где некогда помещался мозг, заполнял твердый вулканический песок, нельзя было точно измерить ее объем. Тем не менее ориентировочная цифра — 800—850 кубических сантиметров — поразила Дюбуа. Как бы ни были велики размеры черепов современных высших антропоидных обезьян, объем их мозга не превышает 600—610 кубических сантиметров. Таким образом, в Триниле посчастливилось обнаружить черепную крышку какого-то шимпанзе, обладавшего огромным мозгом, почти достигавшим низшей границы объема мозга современного человека (930 кубических сантиметров). Но Дюбуа и в голову не пришло, что перед ним лежит часть черепа предка человека или таинственного «недостаю-

щего звена»,— настолько броскими были обезьяньи черты черепной крышки.

Когда в августе 1892 года прекратились ливни и уровень воды в Бенгаване опустился до самой нижней отметки, Дюбуа и его помощники снова пришли к Тринильскому мысу. Малайцы из деревни принялись за работу. Раскоп над слоем лапилли протянулся на очередные 46 метров. Судьба на сей раз не стала испытывать терпения Дюбуа, и новое открытие, окончательно решившее загадку тринильского антропопитека (anthropopithecus — «человекообразная обезьяна», так Дюбуа назвал это существо), последовало в том же месяце. Когда на одном из участков — в 15 метрах от места находки черепной крышки — малаец-землекоп удалил слой толщиной в 11 метров, из пласта вулканического туфа показалась головка бедренной кости с отчетливыми следами зубов крокодила. Кость извлекли из слоя лапилли и принесли Дюбуа. Он ожидал от раскопок в Триниле чего угодно, но только не этого — малаец передал ему полностью сохранившуюся кость бедра... человека. Не атропоидной обезьяны, а человека! Дюбуа не верил глазам — может быть, произошла какая-то путаница и человеческую кость извлекли из какого-то другого слоя? Нет, кость найдена в том же горизонте и на той же глубине, что и черепная крышка антропопитека, хотя и в стороне от нее.

Черепную крышку и бедренную кость разделяло пространство в 15 метров, и мог возникнуть вопрос: одному ли существу принадлежали кости? Конечно, при каких бы обстоятельствах ни погиб антропопитек, дождевые потоки, разливы Бенгавана, наконец, крокодилы могли рассеять части скелета на значительной площади древней береговой отмели. Недаром на бедре остались вмятины от крокодильих зубов!

Чем больше Дюбуа раздумывал над результатами

измерений черепной крышки и бедренной кости, тем больше сомнений и противоречивых мыслей возникало у него. До чего же причудливо перемешались в них особенности, характерные для антропоида и человека! Очень непросто определить классификационный статус загадочного существа, жившего миллион лет назад у подножия вулкана Гелунг-Гелунгунг. Он как будто прав, присоединив его к семейству шимпанзе — черепная крышка походила на череп современного шимпанзе и отчасти гиббона. Коренной зуб тоже во многом близок коренным шимпанзе и гиббона. Но как совместить все это с огромным размером черепа «тринильца», невероятным для антропоидов объемом мозга, человеческим бедром? Да и коренной зуб в некоторых деталях строения очень развит и гораздо ближе стоит к коренным человека, чем шимпанзе и гиббона. Значит, можно присоединить «хозяина» тринильской черепной крышки к семейству гоминид, людей? Однако объем мозга его составляет всего две трети объема мозга человека.

А что, если..? В самом деле, для чего, собственно, прибыл он сюда, на Малайский архипелаг, и что вот уже седьмой год с усердием, возможно, достойным лучшего применения, отыскивает в джунглях?.. «Недостающее звено»! Переходная форма между обезьяной и человеком! Тот самый pithecanthropus alalus — «обезьяночеловек бессловесный», рожденный гениальным воображением Эрнста Геккеля... Дюбуа был потрясен неожиданным поворотом своих мыслей. Вот он выход из тупика, в который его завели сравнения: в Триниле найдены кости не обезьяны, но и не человека. Он действительно нашел то, о чем так мечтал,— останки существа, стоящего на грани перехода от обезьяны к человеку. «Недостающее звено» отныне нельзя считать «недостающим». Оно находится у него в руках.

Двадцать первая по градации Геккеля ступень родословного древа человека найдена!

В 1894 году в Батавии вышла в свет хорошо иллюстрированная книга, название которой поразило антропологов как гром с ясного неба,— «Обезьяночеловек прямоходящий, человекообразная переходная форма с Явы». Дюбуа еще раз изменил «имя» обитателя тринильских джунглей — это не anthropopithecus (человекообразная обезьяна), а, наоборот, pithecanthropus (обезьяночеловек). Две составные части «имени» поменялись местами — только и всего, но эта перестановка несет в себе глубокий смысл, для уяснения которого Дюбуа потребовалось два года! Не надо обвинять его в медлительности. Некоторые из его коллег во много раз превзойдут в этом отношении первооткрывателя «недостающего звена».

Эрнст Геккель мог торжествовать. Дюбуа принял даже «изобретенное» им название предполагаемой переходной формы от обезьяны к человеку. Однако вторую часть «имени» — alalus (бессловесный) он заменил словом erectus (прямоходящий), заимствованным от имени антропопитека. Геккель ошибся, оценивая возможности обезьяночеловека: Дюбуа, изучая внутреннюю полость черепной крышки из Тринила, заметил отчетливый отпечаток извилины Брока́, с которой обычно связывают уровень развития речи. Питекантроп был не бессловесным. Он, по утверждению Дюбуа, говорил, мыслил, превосходно координировал свои движения!

Когда из типографии привезли кипу отпечатанных книг о питекантропе, Дюбуа разослал их коллегам в Европу. Один из первых экземпляров — Эрнсту Геккелю. На обложке ее Дюбуа написал: «Изобретателю питекантропа».

Книга, достигнув Европы, вызвала волнения и спо-

ры. Геккель получил ее в Иене и, не отрываясь, внимательно проштудировал. Случай уникальный в антропологии — чистая конструкция мысли, «плод фантазии», объект насмешек коллег, подтверждена счастливым открытием! Триумфом прозвучали для Геккеля заключительные слова книги Дюбуа: «Питекантроп прямоходящий есть не что иное, как переходная форма, которая, согласно эволюционному учению, должна была существовать между людьми и антропоидными обезьянами: он — предок человека!»

Восторженный прорицатель не замедлил бросить перчатку скептическому Вирхову: «Ситуация в великом сражении за истину в вопросе о происхождении человека,— писал он,— коренным образом изменилась... Открытие питекантропа — «материальное» воплощение того, что я сконструировал гипотетически. Найденные господином Дюбуа останки несомненно принадлежат вымершей ныне промежуточной группе между человеком и обезьяной. Находка Дюбуа и есть то «недостающее звено», которое так долго искали. Для антропологии эта находка имеет, пожалуй, большее значение, чем великое открытие рентгеновских лучей для физики». Выдающийся английский антрополог Эллиот Грэфтон Смит приветствовал открытие на Яве с неменьшим удивлением и радостью: «Случаются же поразительные вещи! Дюбуа действительно нашел ископаемое, предсказанное научным воображением».

Однако далеко не все разделяли энтузиазм «духовного отца» питекантропа. Вирхов холодно заявил, что не видит особых причин для восторга. Чтобы вынести определенное суждение о «так называемом питекантропе», следует для начала осмотреть черепную крышку, бедренную кость и коренные зубы, найденные в Триниле, а не ограничиваться прочтением сочинения никому не ведомого господина Дюбуа.

В июне 1895 года Дюбуа прибыл в Европу. В Англии он представил питекантропа ведущим антропологам, геологам, палеонтологам страны. Черепную крышку из Тринила рассматривали, обменивались впечатлениями, Джон Леббок, Вильям Флоуэр, Вильям Турнер, Эллиот Смит, Артур Кизс, Артур Смит Вудворд. В Германии такая же почетная привилегия была предоставлена знаменитым антропологам и анатомам Рудольфу Вирхову, Герману Клаачу, Густаву Швальбе. Дюбуа изготовил бронзовые муляжи, точные копии черепной крышки питекантропа, и разослал их во все ведущие институты Европы, где велись антропологические исследования. В результате широкий круг антропологов получил возможность наглядно представить характер находки в Триниле.

Мнения специалистов разошлись очень сильно. Дискуссия, развернувшаяся в ученых собраниях и на страницах научных изданий, велась в предельно острой бескомпромиссной манере. Противников Дюбуа в особенности раздражало утверждение, что на Яве открыто именно «недостающее звено», а не антропоид или, например, чрезвычайно низкоорганизованный человек. Под видом атаки на Дюбуа предпринимались попытки развенчать и — в который уже раз! — ниспровергнуть дарвинизм.

В чем только не обвиняли Дюбуа коллеги! Он, оказывается, профан в геологии и палеонтологии, и поэтому понятна его ошибка в датировке так называемого питекантропа. Ни о каком миллионе лет не может быть речи — на Яве найдена не очень древняя обезьяна, вероятнее всего гиббон. Другие намекали на то, что Дюбуа не мешало бы внимательно проштудировать антропологию — кто из серьезных специалистов стал бы с таким апломбом говорить, что черепная крышка, бедренная кость и коренные зубы принадлежат одному

существу? Ведь для каждого очевидна несовместимость обезьяньего черепа и человеческого бедра! Третьи обращали внимание на «ярко выраженные патологические изменения» костей черепа и бедра и объявляли вывод об открытии в Триниле «недостающего звена» досадным заблуждением.

Не меньше огорчений доставили Дюбуа выступления и тех, кто в общем соглашался признать выдающееся значение его открытия на Яве. Большинство из них поддерживало мысль, что каждая из костей, найденных в слое лапилли, принадлежит одному скелету. Однако разногласия начинались сразу же, как только симпатизирующие Дюбуа антропологи пытались определить классификационный статус питекантропа. Одним казалось, что это существо не переходная форма от обезьяны к человеку, а уже человек, но самый низший из известных по уровню развития, прямой предок современных людей. Другим представлялось, что питекантроп — низкоорганизованный тип современного человека. Третьи высказывали сомнения — можно ли размещать обезьяночеловека из Тринила в прямой линии предков человека? Не правильнее ли определить его как боковую тупиковую ветвь древних людей, исчезнувшую с лица Земли, не оставив потомства? Когда позже профессор Смитсоновского института (США) Геррит С. Миллер попытался разобраться в противоречивых откликах на открытие Дюбуа, то насчитал ни много ни мало пятьдесят различных мнений: питекантроп древнее или, напротив, очень позднее существо; кости представляют части скелета одной или нескольких разновидностей антропоидов; зубы и черепную крышку связывали с гиббоном, шимпанзе, примитивным неандертальцем, нормальным человеком современного типа, идиотом...

Дюбуа пока терпелив. Ему слишком хорошо знако-

мо мучительное состояние неопределенности, чтобы сердиться и сетовать на непонимание. Разве сам он не затратил годы, чтобы уяснить существо дела? Поэтому при встречах с коллегами Дюбуа с жаром разъясняет, доказывает и, судя по всему, не без успеха. Когда 15 сентября 1895 года в старинном университете города Лейден (Нидерланды) открылся международный зоологический конгресс, сразу же стало ясно, что питекантроп находится в центре внимания. Каждый из маститых специалистов в антропологии, зоологии и геологии считал для себя честью и непременным долгом осмотреть кости «недостающего звена», любезно и с готовностью выставленные Дюбуа, подержать в руках черепную крышку не то обезьяны, не то человека, обменяться глубокомысленными репликами с коллегами.

Целую неделю, до 21 сентября, продолжались заседания, и ни на одном из них не утихали споры о том, что же представляет собой обезьяночеловек из Тринила. Высказывались настолько противоречивые мнения, что председатель в конце концов решился на беспрецедентный в практике конгрессов шаг. Чтобы хоть в какой-то мере уяснить отношение к питекантропу, он предложил двадцати профессорам провести голосование! После некоторой заминки, вызванной неожиданным предложением, профессора пришли к заключению, что голоса должны подаваться по каждой из находок. Дюбуа с любопытством следил, чем закончится этот необычный «устный аукцион».

Сначала председатель предложил высказаться по поводу главной находки с Явы — черепной крышки. Мнения разделились почти поровну: за то, что она принадлежала человеку,— 6 голосов, обезьяне — 6, промежуточному существу — 8. Если бы споры в науке действительно решались голосованием, Дюбуа сле-

довало бы поздравить — хоть и незначительным большинством, но все же в первом туре одержана победа. Зато по поводу бедренной кости — сокрушительное поражение: за то, что она принадлежала человеку, подано 13 голосов, обезьяне — 1 (Вирхов!), питекантропу — 6. Два сторонника Дюбуа покинули его лагерь. Потеря существенная, если учесть, что идея о прямохождении питекантропа была одной из центральных в его концепции. Председатель тем временем просит высказаться о третьем коренном зубе. Победа за Дюбуа, но с тем же незначительным преимуществом: зуб человеческий — 4 голоса, обезьяны — 6, обезьяночеловека — 8. Два профессора не рискнули определить свою позицию. Этот нейтральный лагерь увеличился до 13 человек, когда началось голосование по поводу второго коренного: ни один из профессоров не решился назвать его человеческим, двое предпочли увидеть в нем зуб обезьяны, а пять — промежуточного существа.

Голосование голосованием, но каждый, естественно, остался при своем мнении. Палеонтолог Вильям Деймс писал после окончания конгресса в лейденской газете «Deutsche Rundschau» об «огромных различиях во взглядах» на костные останки обезьяночеловека. В то же время он признал «силу аргументов, подтверждающих переходный характер питекантропа».

Дюбуа результаты обсуждения разочаровали. Он готовился столкнуться с недоверием и настороженностью, но не со столь ярко выраженными и последовательными. Беспокоило и то, что в лагере сторонников было больше палеонтологов, чем антропологов. Сбивали с толку зоологи, которые уверяли, что на Яве найдены останки человека, и анатомы, убежденные, напротив, что Дюбуа обнаружил в Триниле кости обезьяны. Оставалось утешаться тем, что в жарких дебатах на

его стороне оказались выдающийся французский антрополог Мануврие, известный палеонтолог Неринг, знаменитый исследователь динозавров, титанотериев и ископаемых обезьян американец Оснил Чарльз Марш...

Дюбуа понимал, что «воспламеняет умы», разжигает разногласия, ожесточает спорящих и даже толкает противников на «не совсем приличное поведение». Виновата его глубочайшая уверенность в открытии на Яве именно долгожданного «недостающего звена», а не чего-то другого. Именно она раздражала противников, и, распаляясь, они вели критику в том тоне, какой находили нужным. Любое выражение считалось законным, и некоторые из наиболее яростных оппонентов откровенно компрометировали Дюбуа и его находку: что-то подозрительно легко удалось ему найти кости питекантропа.

Разве можно объяснить каждому, что «легкость» открытия — это миф, а идеи его — результат долгих и мучительных раздумий? Спорам, казалось, не будет конца. Однако Дюбуа не отчаивался и упрямо настаивал на своем. Не для того он провел семь лет на Малайском архипелаге, чтобы отступать теперь, когда решается судьба его детища.

Наступил 1897 год. Прошло ровно десять лет со времени отъезда Дюбуа на Суматру и два года с тех пор, как он начал сражение за питекантропа. Достаточно большой срок, чтобы уяснить существо его мыслей. Но противники упорно не желают признать обоснованность заключений о «недостающем звене». Дюбуа, конечно, не одинок. На его стороне такие выдающиеся немецкие антропологи, как Густав Швальбе и Герман Клаач. Его по-прежнему воодушевленно поддерживает Эрнст Геккель. Однако Дюбуа этого мало — ему нужно всеобщее признание!

И неожиданно наступает тяжелый кризис. Дюбуа смертельно устал от борьбы, которой не видно конца. Его упорство надломлено, он стал замкнут, подозрителен, в поведении появились трудно объяснимые странности. Питекантроп стал его роком — как ревнивый влюбленный, ограждает Дюбуа свою находку от посторонних. Несогласных с его выводами он считает теперь личными врагами. С большой неохотой показывает он останки питекантропа даже избранному кругу лиц. В 1897 году он сдал их на хранение сначала в музей своего родного городка Гаарлема, а затем перевез в более надежное место: в хранилище Лейденского музея, где они на четверть века скрылись от глаз людей в двойном металлическом сейфе. Дюбуа считает, что достаточно долго убеждал других, чтобы позволить себе наконец не высказываться более о питекантропе. И вообще после всех полученных им оскорблений он потерял всякий интерес к обезьяночеловеку и связанным с им проблемам. Попробуйте теперь убедить его, что он не прав!

Ученый мир удивлен, возмущен, но Дюбуа неумолим. Ни один человек не имеет теперь доступа к костям питекантропа, кто бы он ни был и кто бы ни ходатайствовал за него. Что это — каприз, странность, месть за несправедливость? Трудно сказать, но факт остается фактом. Даже Эрнст Геккель, духовный отец обезьяночеловека, так никогда и не увидел кости питекантропа, открытие которого гениально предсказал: в работах Лейденского конгресса ему участвовать не довелось, а сейф музея и перед ним не распахнули.

Между тем Азия продолжала привлекать внимание исследователей, которые уверовали в великую роль далекого континента в становлении человека. В конце 20-х и в 30-е годы нашего века последовали новые открытия, связанные с древнейшими обезьянолюдь-

ми,— в районе Пекина Д. Блэк, Пэй Вэнь-чжун, Цзя Лань-по и Ф. Вейденрейх открыли более десятка черепов «китайского обезьяночеловека», **синантропа,** современника питекантропа. Нидерландский геолог, палеонтолог и антрополог Густав Кёнигсвальд в 1935—1941 годах руководил экспедициями на Яве и окончательно решил проблему возраста питекантропа, открыв несколько новых черепов.

Самое поразительное, однако, заключалось в том, что, как становилось ясно, ни синантроп, ни питекантроп не представляли собой древнейших представителей рода человеческого.

Свет озарит и происхождение человека и его историю.

ЧАРЛЗ ДАРВИН

Ко времени событий, о которых мы хотим теперь рассказать, Луис Сэймур Базетт Лики, куратор Корондонского музея города Найроби (Кения), уже без малого 36 лет занимался археологией Африки, а здесь, в Олдовэйском каньоне, вел раскопки целых 28 лет! Африка, этот экзотический для европейца континент, для него была не просто местом, которое он выбрал для научных исследований, но второй родиной, без которой Лики не мыслил своего существования. Так уж случилось, что судьба его семейства с конца прошлого века оказалась связанной с Восточной Африкой.

Детство Луиса прошло в Кабете (Кения), он рос и воспитывался среди сверстников из племени кикуйю, играл в их игры, делил с ними ребячьи радости и огорчения. Он в

совершенстве овладел языком кикуйю и не только говорил на нем в случае необходимости, но мог думать на нем, как на английском, и даже мечтать. Он даже жил, когда позволяли родители, в такой же, как в поселке аборигенов, хижине, которую построил с помощью «братьев-кикуйю». Не удивительно поэтому, что в характере и облике этого человека совместились, удачно дополняя друг друга, европейское образование, которое постарались дать ему родители, и по-спартански суровое воспитание туземцев-кикуйю. Мать учила его читать, писать, считать, а взрослые воины и охотники-кикуйю показывали, как нужно правильно держать и метать копье, как бесшумно и незаметно подползти к пугливым газелям, как погрузиться в воду, замаскировать голову болотной травой и терпеливо дожидаться, когда утка опустится на гладь водоема, после чего надо незаметно приблизиться к ней и схватить за лапки! Лики до сих пор помнит, как терпеливо учил его стрелять из лука один из лучших охотников племени кикуйю — Доробо.

А как много дали ему беседы у вечерних костров рядом с примитивными, как в каменном веке, постройками! Старики кикуйю, заботясь о воспитании молодежи, рассказывали старые предания и сказки. Каждый рассказ имел мудрую, как жизнь, мораль. Оставалось лишь следовать ей в общении с людьми и природой. Кикуйю привили Луису любовь к животным — младшим братьям человека. Он не только отлично изучил повадки диких обитателей саванн, но, кажется, научился думать так же, как они. Разве не «логика рассуждений льва» позволяла ему успешно подкрадываться к самым пугливым и осторожным из животных Восточной Африки? Его, тринадцатилетнего мальчишку, сына белого миссионера,— такого еще не было в истории кикуйю — объявили равноправным членом

племени, присвоив почетное имя Вакараучи — «Сын воробьиного ястреба»!

Пожалуй, именно кикуйю он обязан выбором своей будущей профессии археолога, которая стала для него всеобъемлющей страстью на всю жизнь. Особой любовью Луиса пользовались сначала птицы — он мог наблюдать за ними, не уставая, много часов подряд. Его интересовали косточки пернатых, которые встречались в изобилии на поверхности земли после дождей. Вот тогда-то Лики впервые обнаружил странные вещи: потоки воды вымывали из глины в точности такие же наконечники стрел, как у охотников-кикуйю, но сделанные не из металла, а из камня. Можно было удивляться не только необычному материалу, который использовался для охотничьих орудий, но и поистине ювелирному мастерству, с каким отделывались вещи из камня. Когда Луис обратился за разъяснениями к охотникам-кикуйю, они не замедлили с ответом, потому что видели вещь хорошо знакомую. «Это лезвия духов,— сказал с почтительным уважением Доробо.— Знай, Вакараучи, такие орудия ниспосланы с неба духами грома!» Потом уже из книг Лики узнал, что оббитые камни, захороненные в земле, использовал на охоте древний человек, живший на много веков раньше современных людей.

Вот так и началась его мечта раскрыть тайну далекого прошлого человечества, изучая африканские древности. Правда, «черный континент» не пользовался в то время вниманием тех, кто охотился за «недостающим звеном». Под впечатлением открытий Дюбуа на Яве останки ископаемого человека каменного века предпочитали искать на юго-востоке Азии, где жил питекантроп, «вымерший примат с определенными человеческими чертами». Однако Луис, рано ставший поклонником учения Дарвина, знал о том, что

великий эволюционист, рассуждая о возможном районе происхождения человека, отдал предпочтение Африке, а не Азии.

Еще до того, как родители решили отправить сына в Англию для продолжения образования, он решил посвятить свою жизнь поискам ископаемого человека и костей вымерших животных. Лики интересовал не только далекий предок, но и окружавший обезьяночеловека мир.

Подготовка к будущей деятельности началась сразу же, как только шестнадцатилетний Луис прибыл в Англию. После двух лет обучения в подготовительной школе он поступил в Кембриджский университет, где лучше, чем в любом другом высшем учебном заведении, можно было овладеть теорией предыстории человека.

По окончании университета он чувствовал себя достаточно подготовленным, чтобы предложить свои услуги по руководству экспедицией, главная цель которой — поиски останков древнего человека. Его учитель, профессор Хиддон, выслушал заявление Луиса с вежливым вниманием, а затем последовал диалог, который Лики любил пересказывать друзьям, интересовавшимся, как он начал свои археологические раскопки в Восточной Африке.

— Куда же вы намерены ехать? — спросил его маститый собеседник.

— В Восточную Африку! — не раздумывая, ответил Луис.

— Не переводите время попусту,— посоветовал профессор.— Ничего значительного там не найдете, уверяю вас. Если уж вы действительно решили посвятить жизнь древнему человеку, то поезжайте в Азию.

— Но я родился в Восточной Африке и уже нашел там следы первобытных людей,— возразил Ли-

ки.— А кроме того, я убежден, что не Азия, а Африка — колыбель человечества!

В ответ профессор и его коллеги только рассмеялись.

Однако Луису удалось собрать немного денег, и в 1926 году, когда ему исполнилось 23 года, он вместе с другом, тоже выпускником университета, отправился в первую самостоятельную экспедицию, громко названную «восточноафриканской».

Осенью 1927 года Лики вернулся из Танганьики с триумфом, редким для начинающего археолога. Не беда, что обезьяночеловек на сей раз ускользнул из рук — все же ему удалось найти более 40 погребений людей, которые жили на берегах озер Накуру и Элиментейта около 10 тысяч лет назад! Открытия его произвели большое впечатление, и не удивительно поэтому, что в течение последующих двух лет (1928—1929 гг.) Луис Лики имел достаточно средств, чтобы продолжать раскопки в Восточной Африке. Средства выделялись колледжем Святого Джонса, приписанным к Кембриджу.

Наибольшие неожиданности и подлинную сенсацию принесли исследования скального навеса Гамбл, открытого на берегу Элиментейта. В рыхлых отложениях навеса удалось проследить 14 культурных горизонтов, заполненных каменными орудиями и костями животных.

В 1929 году Лики сделал еще одно замечательное открытие, которое снова заставило говорить о нем как о необыкновенно везучем археологе. На сей раз он вел разведку невдалеке от озера Виктория в местности Кариандуси. Однажды с трудом пробираясь сквозь густой, колючий кустарник, Луис чуть не свалился с пятнадцатиметрового обрыва. Заглянув вниз на обрушившиеся стенки каньона, он замер от удивления — в

нескольких метрах ниже из глины торчало рубило, изготовленное из черного полупрозрачного вулканического стекла! Такие огромные «ручные топоры», универсальное орудие труда древнейшего человека, умели выделывать из камня предшественники неандертальцев — обезьянолюди типа питекантропа. Лагерь их в Кариандуси следовало датировать, как минимум, 200 тысячами лет. Никогда прежде такого не находили в Танганьике.

Раскопки в Кариандуси имели еще одно важное последствие: Лики, просматривая специальную литературу, посвященную исследованиям геологов и палеонтологов на территории Танганьики, обратил внимание на то, что кости таких же животных, как на стоянке с рубилами, в 1913 году нашел профессор геологии Берлинского университета вулканолог Ганс Рек. В 1914 году он опубликовал заметку об открытии, сделанном в Кении, в южной части Великой рифтовой долины, в каньоне Олдовэй около озер Натрон и Эйянзи. Оказывается, на это место первым обратил внимание немецкий энтомолог из Мюнхена Катвинкель, который охотился с сачком в районе каньона и чуть не поплатился жизнью, когда, преследуя какую-то редкую бабочку, свалился с обрыва. Опомнившись, Катвинкель заметил, что из пласта глины торчат кости ископаемых животных. Он собрал их, доставил в Берлин, а в 1913 году немецкие палеонтологи и геологи, которых заинтересовала эта коллекция, снарядили в Олдовэй специальную экспедицию. Ее возглавил Ганс Рек.

Лики написал письмо в Берлин. Он спрашивал Река, не удалось ли ему найти в Олдовэе место, где останки животных встречаются вместе с обработанными камнями? Профессор ответил, что палеонтология каньона богатая, но все же тамошние ущелья — не те ме-

ста, где следует ожидать открытия культуры палеолитического человека. Он пытался найти вместе с каменными орудиями и кости первобытных людей, но безуспешно. Впрочем, продолжить раскопки ему помешала война, а сейчас, если молодой человек желает, он, Рек, может принять участие в экспедиции, все ему на месте покажет и из рук в руки передаст местонахождение для дальнейших исследований. Лики принял предложение Ганса Река, и вскоре они выехали в Танганьику.

Первая встреча с каньоном Олдовэй произвела на Лики громадное впечатление. На 40 километров протянулось это ущелье, разрезая на стометровую глубину окраину выжженной солнцем степи Серенгети. Крутые обрывы, переливающиеся всеми цветами радуги, напоминали причудливый слоеный пирог, состряпанный гигантами-поварами; окаменевшие и рыхлые отложения перекрывали друг друга в замысловатом беспорядке. Сверху к краю ущелья подступала зеленовато-желтая степь, а на горизонте возвышался пирамидальный вулкан Нгоронгоро, плавающий в голубоватом мареве раскаленного солнцем воздуха. Чашу кратера вулкана заполняло озеро с чистейшей холодной водой, самым бесценным сокровищем изнывающей от жары саванны.

Опытный глаз геолога без труда прочитает цветную глинисто-каменистую страницу крутой стены каньона: там, где сейчас раскинулась засушливая степь, сотни тысячелетий назад было огромное озеро. В засушливые периоды кочующие пески окрестных пустынь подступали к водоему и частично заваливали его. Вулканические пеплы и зола тоже обрушивались на озеро. В этих слоях много останков мелких грызунов — крыс, мышей, ящериц, тушканчиков. Их косточки представляют особую ценность для палеонтологов,

поскольку позволяют особенно точно восстановить климат и природное окружение отдаленных эпох.

Когда начинались тропические ливни, жизнь снова возвращалась в саванну: стада всевозможных крупных животных тянулись к берегам озера, чтобы утолить жажду. В илистых отложениях и следует искать их кости. Но вода в конце концов потерпела поражение. Глубокая озерная котловина постепенно заполнялась отложениями, и у подножия Нгоронгоро раскинулась ровная, как стол, степь.

Около полумиллиона лет все пребывало в покое, а затем произошла грандиозная катастрофа. Страшное по силе землетрясение потрясло восточную окраину Африки, ломая земные пласты, рассекая их будто гигантским мечом, опрокидывая и вздыбливая каменистые породы на тысячи километров. Тогда-то, около 100 тысяч лет назад, и появилась Великая рифтовая долина, протянувшаяся от Ближнего Востока до юга Африки. Олдовэй был частью гигантской трещины, которая вскрыла слои, заполнявшие некогда озерную котловину. За работу снова принялась вода. В сезон дождей временные потоки «пропиливали» глубже и расширяли стены ущелья, образованного подземными толчками во время землетрясения.

Лики потрясло увиденное. Он не сомневался, что обязательно найдет здесь рубила — в точности такие, как в Кариандуси! Ибо если по берегам древнего озера, судя по находкам Ганса Река, бродили те же животные, на которых охотились обезьянолюди, жившие 200 тысяч лет назад невдалеке от озера Виктория, то почему орды первобытных людей не могли разбить становища и в Олдовэе? Не так много в восточноафриканской саванне мест, изобилующих водой, чтобы древний человек оставил без внимания такое благодатное для жизни и охоты угодье!

Когда Лики поделился своими мыслями с коллегами и даже высказал убеждение, что именно здесь следует ожидать открытия предка более древнего, чем питекантроп, Ганс Рек, подзадоривая молодого археолога, сказал:

— Готов держать пари — вы, Луис, вряд ли найдете здесь хотя бы один оббитый камень!

— Хорошо, я заключаю с вами пари, профессор,— ответил Лики.— Более того, Олдовэй мне так нравится, что я убежден — не пройдет и 24 часов, как вы будете держать в руках не что-нибудь, а настоящее ручное рубило...

Лики с удовольствием припоминал, как он выиграл пари. Чтобы найти рубило и торжественно вручить его Реку, ему понадобилось всего 7 часов!

Тогда, в далеком 1931 году, экспедиция проработала в Олдовэе три месяца. Для Лики они пролетели, как один день. Ганс Рек удивлялся, почему Лики везет на открытия больше других — кажется, для него не составляло труда найти новое костеносное местонахождение, в котором обязательно встречалось какое-нибудь экзотичное, неведомое ранее животное, а рубила и другие оббитые камни прямо тянутся к нему. Создавалось впечатление, что не он ищет их, а они его.

Что мог ответить на это Лики? Школа братьев-кикуйю что-нибудь да значит! Старик Доробо непрестанно поучал его: «В нашем деле главное — терпение и наблюдательность. Ты, белый человек, должен знать, что здесь, в Африке, твое существование зависит от того, как быстро ты будешь реагировать на все, что меняется вокруг. Будь внимателен, будь осторожен, не спеши. Повторяй попытки достичь чего-то снова и снова». Разве это не заповедь для охотника за ископаемыми? Можно, конечно, бегло посмотреть в одном месте разок-другой, разочароваться неудачей и мчаться

дальше на поиски перспективных участков. Но кикуйю учили Лики: если у тебя есть основание полагать, что то, что ты ищешь, должно быть в каком-то определенном месте, но ты не находишь это сразу, не следует делать вывод, что здесь вовсе нет того, что ты искал. Ты скорее должен сделать вывод, что ты не был достаточно внимательным...

Как Лики искал в Олдовэе кости и камни? Шаг за шагом, сантиметр за сантиметром в течение многих часов терпеливо обследовал стометровые склоны каньона, до боли в глазах вглядывался в многоцветную мозаику россыпей гальки, комочков глины и обломков скальных пород. Там, где для другого россыпь разрушенного слоя сливалась в однообразную картину, для Лики раскрывался увлекательный рассказ, который он умел мастерски прочитать. Он умудрялся выхватывать «жемчужные зерна» среди сотен почти неотличимых друг от друга фрагментов твердой глины, песчаника и туфа. Но чего стоила каждая находка! Под раскаленным солнцем, которое нагревало воздух олдовэйской чащи до 38 градусов, приходилось ползать на корточках вверх и вниз по обрывистым склонам. Над каждым мельчайшим обломком кости или сколом с гальки надо остановиться, тщательно смести пыль мягкой кисточкой и осторожно освободить их от окружающей породы тонким зубным инструментом. Иногда, правда, приходилось пускать в дело и легкую геологическую кирку.

После 30 лет работы Лики кажется, что он провел большую часть жизни на коленях. Но какой радостью вознаграждается терпеливая, тщательная работа в чудесный миг долгожданного открытия! Сколько их случилось за четверть века исследования Олдовэя!

В первый же сезон раскопок в каньоне Лики пришел к заключению, что Олдовэй представляет собой

уникальное хранилище костей вымерших животных, равного которому, пожалуй, нет в мире. Сотни тысячелетий приходили животные к берегам озера, чтобы утолить жажду, и часто погибали здесь. Кости их заносило илом, покрывало многометровыми напластованиями песка и глины, и так лежали они, окаменев, до тех пор, пока землетрясение, вода и ветер вновь не помогли им увидеть свет.

Каких только необычных животных не пришлось найти в Олдовэе! Сколько удивления, например, вызвало открытие древнего кабана Afrochoerus: по росту он не отличался от крупного носорога, а клыки его оказались такими огромными, что их можно было принять за бивни слона. Сотни тысячелетий назад в степи Серенгети паслась овца, высотою почти в два метра, а расстояние между кончиками ее рогов было просто фантастическим — 4—4,5 метра! Нигде теперь не увидишь столь причудливого жирафа — он хоть и был высокого роста, но шею имел короткую, а на голове его красовались рога, широкие, как у американского лося. В Олдовэе удалось обнаружить также страшного павиана лимнопитека, который по величине превосходил самую крупную из горилл.

А сколько потребовалось усилий, прежде чем удалось разгадать тайну громадных обломков скорлупы! Казалось невероятным, чтобы на свете могла существовать птица, откладывающая такие яйца. И все же подобное существо, гигантский страус, некогда бродило по саванне в окрестностях озера. Найденное бедро этой птицы вначале приняли за часть конечности жирафа. На что уж велика знаменитая нелетающая птица моа из Новой Зеландии (более трех с половиной метров), но и она карлик в сравнении с олдовэйским страусом. Вообще же здесь было найдено более сотни новых видов животных.

И поиски стойбища первобытного человека, начатые Лики в первый день прибытия в Олдовэй, не ограничились находкой рубила. За первым открытием последовали другие. Оббитые человеком камни залегали на различных уровнях от края обрыва ущелья, отмечая места, где располагались стоянки древних охотников. Глубина залегания примитивных инструментов, цвет и характер глинистого пласта, в котором они находились, а также, не в последнюю очередь, кости животных, найденные вместе с ними, позволили Лики создать на удивление целостную и многогранную картину эволюции культуры каменного века на протяжении по крайней мере полумиллиона лет. Из них 400 тысячелетий в Олдовэе жили обезьянолюди, главным орудием которых оставались рубила.

Ну не поразительно ли, что в громадный, на полмиллиона лет, промежуток времени первобытный предок предпочитал использовать однажды изобретенный инструмент? Однако, как показал Лики, консерватизм этот мнимый. Удачно найденная форма орудия: оббитый с двух сторон и приостренный на конце камень, «ручной топор» — действительно переживает тысячи веков. Но, во-первых, форма отнюдь не остается от горизонта к горизонту неизменной; во-вторых, медленно, но верно совершенствуется техника обработки камня, орудие становится тоньше, изящнее, а следовательно, и эффективнее в работе; и, наконец, в-третьих, рубило не было единственным инструментом древнего олдовэйца: в его арсенале имелись скребла, остроконечники, ножи, изготовленные из крупных пластин, проколки, скребки, отбойники, нуклеусы, с которых скалывались заготовки более мелких инструментов. Изучение их тоже подтверждает мысль о неуклонном совершенствовании культуры каменного века Восточной Африки. Олдовэй, таким образом, представ-

лял собой своеобразную музейную экспозицию, изучение которой в концентрированной форме раскрывало историю человека и окружающего его животного мира за полмиллиона лет.

За полмиллиона? А может быть, за целый миллион? Вопрос резонный, поскольку при раскопках в Олдовэе в 1931—1932 годах Лики посчастливилось найти культурные горизонты, залегающие на почти стометровой глубине, на 16,5 метра ниже слоя с самыми ранними шелльскими рубилами и с костями более примитивных животных. Это была необыкновенно архаическая культура настоящего «недостающего звена», по сравнению с которой шелль и ашель (самые ранние из стадий древнекаменного века), представленные в Олдовэе, как, впрочем, и в Европе, серией последовательных стадий, казались уже значительным уровнем развития.

Действительно, этот древнейший этап культуры палеолита типа дошелль, названный Лики **олдовэйским**, характеризовался наличием, по существу, одного-единственного инструмента (если не считать грубых сколов с легкой подправкой, которые могли использовать как ножи) — гальки, небрежно затесанной на одном конце. Какое-то очень раннее человекообразное существо, очевидно почти обезьяна по статусу физическому и интеллектуальному, делало первые шаги в изготовлении орудий труда. Подходящая по форме округлая или продолговатая галька кварцевой или кварцитовой породы затесывалась на конце с одной или, значительно реже, с двух сторон. В результате получались сечковидные рубящие инструменты, которые археологи назвали **чопперами** или **чоппингами** (в зависимости от того, с одной или двух сторон приострялся рабочий край орудия; chopper значит «сечка»). Остальные грани и плоскости гальки оставались необработанными в отличие от рубил, при изготовлении которых мастер об-

бивал обе широкие стороны исходного желвака камня. При этом заострялись рабочий конец и боковые стороны инструмента, а для удобного расположения орудия в руке оформляли рукоятку, или, как говорят археологи, «пятку».

Чоппер, от которого веет подлинной первобытностью,— еще более комплексное по назначению орудие, чем рубило. При изготовлении его скалывались отщепы — следовательно, исходная галька была не только заготовкой для будущего орудия, но и нуклеусом, т. е. ядрищем для получения сколов, которые шли в дело как примитивные режущие инструменты. Чоппер и чоппинг служили орудиями нападения и защиты, ими копали землю, рубили дерево, дробили кости, сдирали кожу с убитого животного и разделывали его тушу, скребли, резали, пилили, сверлили, кололи...

Лики стал учиться изготовлять чопперы и чоппинги, чтобы уяснить, как их оформляли, а затем использовали в деле. Со временем он так наловчился, что ему требовалось всего четыре минуты, чтобы оббить гальку.

Но одно дело изготовить инструмент, а другое — доказать, что его можно эффективно использовать. Лики решил довести до конца эксперимент. Когда однажды накануне рождества в лагерь привезли барана, предназначенного для праздничного пиршества, он собрал своих сотрудников-африканцев, позвал девятнадцать старейшин из кочевавшего в окрестностях Нгоронгоро племени масаи, пригласил для беспристрастного документирования события фотографа из американского научно-популярного журнала «National Geographic» Боба Сиссона и начал священнодействовать.

Сначала Лики несколькими ударами приострил гальку, а затем принялся за барана, попросив засечь

время. Ему понадобилось всего 20 минут, чтобы с помощью обычного каменного орудия олдовэйской культуры снять с животного шкуру, выпотрошить его и расчленить на части тушу. После этого никто из присутствующих не сомневался, что расколоть чоппером кости, чтобы извлечь мозг, для Лики не составит труда. Он блестяще сыграл самого раннего из олдовэйцев древнекаменного века. Но Боб Сиссон не видел, как Лики умеет незаметно подкрасться к антилопе Томпсона и убить ее олдовэйским чоппером!

Что касается старейшин масаи, то они никогда не сомневались во всемогуществе Лики. Разве не он лечит их, когда кого-нибудь укусит змея или неудачно кончается охота на львов? Он умеет заживлять самые страшные раны. В палаточном лагере можно всегда бесплатно получить чудодейственные лекарства от малярии и разных кожных болезней. «Сын воробьиного ястреба» знает, где под землей находятся запасы воды. В двух местах он выкопал водоемы, и теперь скот племени не испытывает жажды.

Лики, однако, пригласил старейшин не для того, чтобы полюбоваться впечатлением, которое произведет на них его эксперимент. Просто он не упускал случая провести просветительную работу. Объяснив, что такими вот чопперами пользовались в работе далекие предки людей, Лики стал толковать вождям об уникальности Олдовэйского ущелья, в земле которого сотни тысяч лет сохраняются остатки разных культур. Он просил старейшин не прогонять стада по склонам каньона, ведь они могут растоптать копытами череп предка. Ответную речь держал один из старейшин. Отметив, что они многим обязаны ему, и поблагодарив за добро, он заверил, что мальчишкам-пастухам будет отдан строгий наказ. Если же они ослушаются... то их поколотят палками.

Боб Сиссон не переставал удивляться: Лики говорил с вождями не на английском, а на языке суахили!

Несмотря на редкую удачу (в Олдовэе получена необычайно полная, почти без пробелов картина эволюции шелльской и ашельской культур, да еще открыта олдовэйская культура дошелль, запрятанная почти под стометровой земной толщей), Лики не чувствовал полного удовлетворения. Не хватало заключительного, по-бетховенски мощного аккорда. Несмотря на все старания, в руки Луиса Лики за 28 лет раскопок в Олдовэе попало всего две коронки человеческих зубов (без корней).

Их удалось найти в 1955 году при раскопках самого древнего из шелльских горизонтов, характерного тем, что наряду с немногочисленными примитивными рубилами в основном тогда продолжали использовать галечные чопперы. Зубы — левый нижний второй коренной и левый клык — принадлежали ребенку 3—5 лет. Они отличались огромными размерами и по строению, но не по величине гораздо ближе соответствовали зубам синантропа, чем австралопитековым [1]. Лики, изучив зубы, писал в журнале «Nature»: «Мы, возможно, имеем дело с огромным истинным гоминидом, который по типу не принадлежит к австралопитековым. Зубы действительно подтверждают, что мы имеем дело с человеком!»

Конечно, первым в мире найти косточки шелльца — пусть даже такие фрагментарные — тоже удача редкая, но где, наконец, черепа тех, кто осваивал берега озера в Олдовэе, кто учился выделывать из непослушного камня первые чопперы и рубила, кто вырабатывал

[1] Группа ископаемых высших приматов, останки и черепа которых обнаружены Дартом и Брумом на юге Африки. Впервые открыты в 1924 году. Различают два рода африканских австралопитеков — парантропы и собственно австралопитеки.

приемы охоты на быстроногих и чутких обитателей африканских саванн? Если облик ашельца можно представить, зная облик питекантропа и синантропа, то как выглядел шеллец, а тем более человекообразное существо дошелльской или олдовэйской культуры, оставалось неясным. Между австралопитеками Дарта и Брума и древнейшими из пока открытых на Земле гоминидами синантропом и питекантропом по-прежнему располагалось загадочное «недостающее звено».

Лики не может жаловаться на судьбу. Прошедшие десятилетия не раз баловали его сенсациями. Недаром у археологов вошло в поговорку выражение — «удача Лики». Но если говорить о самой крупной после открытия Олдовэя удаче, то это, пожалуй, счастливая и, как многое в его жизни, случайная встреча в 1933 году со студенткой Лондонского университета Мэри Николь, которая, как она потом рассказывала, с большой неохотой отправилась на званый обед, где должен был выступить молодой археолог из Танганьики. Мэри опасалась скучной лекции, но ошиблась: энергичный молодой человек представился Луисом Лики, а рассказывал он не о чем-нибудь, а об Олдовэе. Разве мог Луис говорить о каньоне скучно? Мэри Николь попросила взять ее в экспедицию, чтобы самой побывать в том удивительном месте.

Любовь к археологии у Мэри давняя, можно сказать потомственная. Тот самый Джон Фрер, рассказом о котором мы начали нашу книгу, который в XVIII веке первым в Англии обнаружил в Соффолке рубило и обратил внимание на него как на изделие рук первобытного человека,— прапрадедушка Мэри! Ее отец художник Эрскин Николь много путешествовал с семьей по юго-западной части Франции, которую он любил за «зелень лугов и удивительное небо». Там родители осматривали пещеры, к чему со временем пристрасти-

лась и Мэри. В одну из таких прогулок в местечке Кабререте Мэри посчастливилось встретиться с аббатом Лемози. Он известен тем, что открыл в пещере изображения животных, нарисованные охрой человеком древнекаменного века. Аббат пригласил девушку, которая отлично рисовала, заняться вместе с ним изучением наскальной живописи, а затем дал первые уроки правил проведения раскопок. Мэри увлеклась археологией и ни о каком другом роде деятельности с тех пор не помышляла. В каникулы она обычно выезжала с сокурсниками на раскопки древних стоянок в Англии. Ей довелось, в частности, копать Клэктон, хорошо известный специалистам древнекаменного века.

Когда Мэри вернулась из Танганьики и ее спросили, не жалеет ли она, что поехала в Африку, она засмеялась: «У меня лишь одно огорчение, что я не оказалась там раньше!» Стоит ли говорить, что на следующий год она снова отправилась в Танганьику. Эта поездка окончательно решила ее судьбу: Мэри Николь вскоре стала Мэри Лики.

Луис давно уверовал в легкую руку своей супруги. Недаром друзья называют Мэри «Счастьем Лики». В том, что за прошедшие годы судьба не обходила его удачами, эффектными и шумными, действительно немалая заслуга Мэри Лики. Чего стоит, например, случившееся в летний полевой сезон 1942 года на знаменитой теперь стоянке Олоргазейли, открытой в ущелье того же названия при одной из разведочных поездок всего в 40 милях от Найроби! Луис первым наткнулся на площадку, засыпанную сотнями рубил. Пораженный увиденной картиной, он позвал Мэри посмотреть находку. Но она не только не поспешила к нему, но вскоре сама стала настойчиво звать к себе. С большой неохотой пошел Луис к месту, где замешкалась Мэри: тысячи рубил устилали разрушенный

землетрясением участок древней террасы. Раскопки раскрыли здесь двадцать культурных горизонтов, залегающих один над другим, и в каждом из них в изобилии встречались рубила. Теперь на этом месте, как и в Кариандуси, построен трехкомнатный полевой музей Королевского национального парка Кении, где в любое время можно со специальной платформы полюбоваться завалами камня, обработанного обезьянолюдьми.

Вторая история еще более увлекательная. Она связана с открытием черепа проконсула — загадочного существа, которому антропологи придают особое значение в поисках самых глубинных корней родословной обезьян и человека, отстоящих на десятки миллионов лет от современности.

Еще в начале 30-х годов во время путешествия на пароходе внимание Лики привлек остров Рузинга, расположенный напротив ущелья Кавирондо в 32 километрах от берега озера Виктория. На нем широко распространены вулканические отложения, возраст которых датировался миоценом — 25—40 миллионов лет. Дикие живописные берега Рузинга, где в вулканических пеплах могли залегать кости, неизменно манили Лики, и он начиная с 1932 года неоднократно посещал остров, чтобы провести разведку и раскопки.

Рузинга оправдала надежды. Миоценовые вулканические пласты хранили десятки тысяч костей всевозможных животных, среди которых особый интерес представляли многочисленные по родам и видам низшие обезьяны — мартышковые и лемуры, достигавшие иногда размеров гориллы. Обилие новых видов и родов обезьян в миоцене Восточной Африки сам по себе факт примечательный, означающий особо бурное развитие приматов именно в это время. Из земли Рузинга извлекались, кроме того, окаменевшие жуки, гусени-

цы, мухи, муравьи, черви, птицы, ящерицы и даже слизняки. На удивление хорошо сохранились также растительные останки: ягоды, орехи, всевозможные фрукты с уцелевшими внутри них зернами и даже окаменевшие бутоны цветов. Но наибольшее внимание вызвало открытие в 1942 и 1946 годах двух челюстей проконсула, бесспорно, несходных с челюстями шимпанзе. Для четкого определения статуса загадочного антропоида, предка обезьян и человека, недоставало черепа. Но найти его было нелегко, да и надежда, что он мог сохраниться достаточно хорошо, оставалась небольшой. Дело в том, что множество костей животных Рузинга испортили миоценовые крокодилы, которые грызли и дробили их.

И вот 21 октября 1948 года Луис и Мэри в очередной раз посетили остров, чтобы в течение нескольких недель заняться раскопками на стоянке, условно названной Р. 106. Лики питал к ней особое пристрастие, может быть, вызванное тем, что однажды ему удалось в 45 метрах от нее найти интересного ископаемого крокодила. Мэри семь раз прошла по склонам воронкообразного обрыва с одиноко растущим деревом на вершине. Кажется, просмотрена каждая пядь поверхности и найти что-либо уже невозможно. Мэри тем не менее пошла в восьмой раз, перевернула несколько камней, и ее настойчивость была вознаграждена уникальной находкой — сначала она заметила крохотный зуб, а при расчистке в следующие дни там появилась часть сравнительно хорошо сохранившегося черепа самки проконсула с нижней и верхней челюстью! У черепа отсутствовали лишь затылочные кости. С тех-то пор катер, который доставлял семейство Лики от бухты Кисуму до любого из островов на озере Виктория, стал называться «Миоценовая леди» в честь женской особи проконсула, найденной Мэри.

Ценность такой находки для палеоантропологии трудно переоценить. Луис Лики принял решение немедленно направить Мэри самолетом в Лондон, чтобы ознакомить специалистов с «леди», жившей на Земле 25 миллионов лет назад. Застрахованный на 5 тысяч фунтов стерлингов череп самки проконсула уложили в коробку, и Лики лично предупредил членов экипажа самолета, какую драгоценность им выпала честь доставить в Англию. Мэри потом со смехом рассказывала, что летчики во время перелета действительно были предельно предупредительными, но, кажется, они больше заботились о содержимом коробки, чем о даме, везущей ее.

Лондон между тем подготовился к торжественной встрече «миоценовой леди». Большая группа репортеров и операторов кинохроники бросилась к трапу самолета с просьбой повторить выход: они желали снять дубль знаменательного события. Но это не все. В специально отведенной для пресс-конференции комнате аэровокзала десятки репортеров задавали ей вопросы о том, как был найден череп проконсула и каково значение находки для решения проблемы родословной человека. Мэри обстоятельно отвечала, а на столе бесстрастно лежал небольшой череп «миоценовой леди», виновницы всего этого переполоха. Два детектива в штатском стояли за спиной Мэри и не спускали глаз с окаменевшего черепа.

Мэри Лики смогла вздохнуть свободно, лишь оказавшись в Оксфорде в кабинете одного из ведущих английских специалистов по приматам Ле Грос Кларка. На этот раз она задавала вопросы, а профессор осматривал находку и отвечал. Знаменитый антрополог был потрясен увиденным: Лики, несомненно, правы, на острове Рузинга им посчастливилось обнаружить останки удивительного существа, в строении черепа кото-

рого угадывалось нечто от антропоида и человека. Округлый лоб, лишенный характерных для высших обезьян надглазничных валиков, напоминал человеческий. С человеком проконсула сближало также отсутствие в нижней челюсти так называемой обезьяньей полки, форма зубной арки нижней челюсти, плоская, а не скошенная, как у обезьян, изношенность зубов, более прямой, чем у современных обезьян, подбородок, что свидетельствовало о меньшем выступании вперед лицевых костей (прогнатизм), некоторое уменьшение размеров клыков и предкоренных зубов. Клыки к тому же не так далеко отклонялись от зубного ряда, как у антропоидов. Особое внимание Кларка привлекли резцы: нижние были примечательно малых размеров, а верхние оказались настолько сходными с резцами человека и соответственно отличными от антропоидных, что, найди их антрополог отдельно от черепа или челюсти, он затруднился бы сказать, выпали они из челюсти человека или проконсула. Однако клыки у проконсула характерно приострены, значительных размеров, а для кончиков их между нижними зубами существуют диастемы — свободные участки до 4 миллиметров шириной. А жевательная поверхность коренных отличалась сложностью строения, в частности необычно многочисленными выступами. Носовые косточки у проконсула длинные, узкие и параллельные, как у низших обезьян.

В целом проконсул, бесспорно, представлял собой древнейшую обезьяну, но, судя по отдельным характерным чертам строения черепа, это была не специализированная, т. е. не зашедшая в тупик форма антропоида или низшей обезьяны, а такая их разновидность, которая допускала в ходе последующей эволюции выход как к человеку, так и к ветви высших антропоидных обезьян. В этом смысле проконсул мог представить

своего рода «начальное звено» на долгом, в десятки миллионов лет пути становления человека. Акции особой роли Африки в истории приматов выглядели теперь как никогда высокими. По-видимому, отсюда мигрировал антропоидный предок как на север в Европу, так и на восток в Индию и на территорию Центральной Азии.

Нет ничего удивительного в том, что череп проконсула занял после препарации одно из самых почетных и тщательно охраняемых мест в сейфах Британского музея.

Последующие находки останков скелета проконсула подтвердили предварительные выводы Ле Грос Кларка. Лики во время одной из очередных раскопок на острове Рузинга удалось найти три косточки конечностей этой самой ранней из антропоидных обезьян. Особенности их строения, пропорции и структура оказались весьма любопытными. Кларк пришел, в частности, к выводу, что нога человека скорее происходит от нижней конечности типа проконсула, чем от конечности современной высшей антропоидной обезьяны. Проконсул, по мнению Кларка, вероятнее всего, передвигался на четырех конечностях по земле, а не проводил всю жизнь на деревьях. Освоение прямохождения освобождало передние конечности и вызвало увеличение объема мозга, призванного координировать сложные движения выпрямляющегося тела.

Изучение костей животных, найденных вместе с проконсулом, показало, что в миоцене на востоке Африки тропические леса перемежались с открытыми участками степи, где как раз и могли развиться наземные обезьяны. Когда леса исчезли, далеким потомкам проконсула уже незачем было мигрировать в тропики. Нижние конечности у них стали длинными, передние освободились для труда, а всеядность, использование

в пищу не только растительности, но и мяса, привела к изменению зубов и челюсти. Когда и как произошло знаменательное событие, сказать невозможно. Процесс становления человека сложен, и Лики вслед за Дарвином любил повторять: «Мы никогда не сможем указать на точно определенное время и существо, а затем произнести: «Здесь начало человека!»» Где-то там в миоцене около 25 миллионов лет назад от ствола проконсула или другого существа, родственного ему, отделились не только антропоидная, но и человеческая ветвь, родоначальница современного homo.

Вот что стояло за находкой Мэри на острове Рузинга!

Наступил очередной, 1959 год. Уже 28 лет ведутся раскопки в Олдовэе, и Лики все надеется, что каньон подарит ему самое главное открытие. В этот день Лики был болен и остался в лагере. Разбудил его шум «Лэнд Ровера», на котором утром уехала Мэри. Джип резко затормозил, мотор заглох, и сразу же послышался ее голос:

— Он у меня! Он у меня! Он у меня!

— Что у тебя? Тебя кто-нибудь укусил? — тревожно спросил Лики, выглянув из палатки.

— Он! Человек! Наш человек,— продолжала кричать Мэри.— Иди скорей сюда. Я нашла его зубы!

— Я решила заняться сегодня местонахождением HLKI — тем участком склона, где ты в 1931 году нашел первые орудия олдовэйской культуры,— рассказывала она, когда они уже мчались в джипе.— И вот представь себе: передвигаюсь я на корточках по окаменевшему участку слоя и вижу вдруг кусочек кости. Он так мирно покоился на склоне! Мне сразу показалось, что я вижу обломок черепа человека, а не животного. Взглянула чуть выше, откуда кость могла

сползти или вывалиться из глины, а из породы торчат два огромных зуба, расположенных рядом друг с другом. По всем признакам, насколько я успела их рассмотреть, они человеческие. Может быть, только чересчур большие...

Окаменевшие косточки лежали в первом олдовэйском слое между пластом глины, отложенным во влажный период, и толщей песка, который перекрыл горизонт находки за время очередной засушливой эпохи. Что ж раздумывать? Мэри права! Эти зубы, превышающие человеческие раза в два, могли принадлежать только homo. Луис поднялся с земли, повернулся к Мэри, и они, охваченные, как потом писал Лики, «несусветными эмоциями, какие редко удается испытать в жизни», закричали от невероятной радости.

Вот она цель, которой отдано 28 лет самоотверженного труда. Награда судьбы, поистине достойная упорства и терпения Вакараучи и его супруги. Зубы залегали в том же горизонте, где были найдены самые древние из открытых на земле орудий человека: галечные чопперы и чоппинги олдовэйской культуры. Теперь эта площадка завалена стометровой толщей глин, песков, песчаников и туфов, она даже расположена на 6 метров 71 сантиметр ниже самой верхней границы горизонта с олдовэйскими орудиями и относится к эпохе влажного тропического климата. Никогда и никому в мире не удавалось до 17 июля 1959 года обнаружить костные останки столь древнего существа. Человек одержал очередную победу в познании процесса становления на земле рода homo.

Но кто же этот самый древний человек, он ли подлинное «недостающее звено», едва только приступившее к изготовлению орудий труда? Как ни хотелось Лики немедленно извлечь из слоя части черепа, он и Мэри сдержались. Следовало прежде всего, учиты-

вая исключительную ценность находки, зафиксировать точное расположение костей в слое, как их увидела Мэри в момент открытия. Лики связался с Найроби и попросил своего друга кинооператора Арманда Дениса, снявшего ряд фильмов об Олдовэе, по возможности быстрее прислать профессионального фотографа. В тот же день фотограф Бартлстет выехал в Олдовэй.

На следующий день после фотографирования начались раскопки. Крупицы породы, миллиметр за миллиметром отделяемые тонкими стальными инструментами от зубов и показавшегося вскоре расколотого пополам неба верхней челюсти, сметались нежными кисточками, сделанными из верблюжьей шерсти. 19 дней, до 6 августа, продолжалась ювелирная расчистка останков черепа, раздавленного неимоверной тяжестью мощного слоя глины на 400 фрагментов. Многие обломки лежали соединенными вместе с того времени, как их раздавила земля. На удивление хорошо сохранились даже хрупкие носовые косточки, которые обычно теряются в слое. Это обстоятельство позволило Лики высказать убеждение, что череп — не остаток трапезы. А вот кости животных, обнаруженные по соседству, имели совсем иной вид: их разломали на мелкие кусочки и беспорядочно «рассеяли» по жилой площадке. Найденная вскоре плечевая кость тоже не имела каких-либо нарушений. Но вряд ли это место могло быть захоронением. До эпохи неандертальцев обезьянолюди не хоронили своих сородичей. Во всяком случае, археологам такие факты пока неизвестны. Чтобы не потерять ни одного даже самого миниатюрного обломка черепа, тонны земли из осыпи и окружающих участков слоя просеивались сквозь мелкие сита. Но нижнюю челюсть найти так и не удалось.

Пока велись раскопки, Лики ломал голову над тем, как назвать нового представителя рода человеческого. Наконец, после нескольких отвергнутых вариантов, древнейшего из олдовэйцев торжественно нарекли именем **зинджантроп бойси** (Zindjanthropus boisey)[1]. «Зиндж» — древнее арабское название Восточной Африки, поэтому зинджантроп означает не что иное, как «человек Восточной Африки». Мэри и Луис стали называть его для краткости просто **зиндж**, а иногда ласково «дорогой мальчик» или «щелкунчик» — за громадные зубы, будто специально приспособленные, чтобы щелкать крупные орехи. Недаром же рядом с черепом оказались обломки твердой ореховой скорлупы! «Мальчику», судя по изношенности зубов, едва ли перевалило за 18.

Реставрация черепа зинджантропа, разломанного на такое количество кусков, была делом чрезвычайно сложным и длительным, тем не менее уже полевое исследование убедило Лики в том, что олдовэец обладает многими особенностями, сближающими его с подсемейством австралопитековых. Лики посетил Иоганнесбург и Преторию, тщательно осмотрел материалы, накопленные Дартом и Брумом, и теперь ему казалось, что зиндж в определенном отношении напоминает парантропа. У него такой же сагиталовый гребень, столь же значительна редукция клыков и резцов при огромных коренных и предкоренных, сравнительно прямая линия передних зубов, расположенных перед небом, одинаковая форма зубной дуги челюсти, плоский лоб. Интересно, что четвертый коренной зинджантропа, как и парантропа, больше третьего, особенность, не отмеченная у австралопитека Дарта. Однако в других чер-

---

[1] Чарлз Бойси — английский бизнесмен, финансировавший раскопки в Олдовэе с 1948 года и твердо веривший в успех предприятия Луиса Лики.

тах «щелкунчик» больше сближался с последним. Это касалось высоты черепного свода, глубины неба и уменьшения в размере третьего коренного зуба по сравнению со вторым, что не отмечалось у парантропа. От него зинджантроп резко отличался, кроме того, чертами строения лицевого скелета. В целом же зинджантроп обладал достаточно яркими особенностями, чтобы отличать его как от австралопитека, так и от парантропа. Согласно «предварительному диагнозу» зинджантроп разнился от австралопитека и парантропа по двадцати пунктам! Лики пришел к заключению о необходимости выделить новый род австралопитековых.

Все эти соображения Луис Лики изложил в краткой заметке «Новый ископаемый череп из Олдовэя», которую сразу же по окончании раскопок направил в Лондон в редакцию журнала «Nature». 15 августа 1959 года в 184-м томе она увидела свет, оповестив человечество об открытии нового претендента на «недостающее звено». Как изменились времена, если респектабельная «Nature», не медля ни дня, опубликовала сенсационный материал! «Jllustrated London News» тоже не замедлила заказать статью Лики и напечатала ее, сопроводив портретом зинджантропа, нарисованным при консультации с первооткрывателем художником Нивом Паркером. Со страниц газеты смотрел почти начисто лишенный лба, бородатый субъект с длинным лицом и грустными человеческими глазами. Нечто подобное получилось и у скульптора Бианчи, который воссоздал бюст зинджантропа.

Лики между тем продолжал изучать череп зинджантропа и с каждым днем все больше убеждался в его близости человеку. Коренные и предкоренные зубы зинджа, превосходившие по размерам человеческие в два раза, обладали особенностями строения,

характерными для homo. Плоские, с такими же, как у человека, складками обширной жевательной поверхности, они, кажется, свидетельствовали, что зинджантроп питался главным образом грубой растительной пищей. Но иное показывали резцы и клыки, с помощью которых пища раздирается на куски. Эти зубы оказались небольшими в сравнении с коренными, и Лики оценил такой факт как весьма примечательный. Дело в том, что, судя по найденным рядом с черепом расколотым костям небольших животных — молодых особей двух разновидностей свиней и антилопы, а также останкам птиц (гигантский страус), насекомоядных, черепах, рыб, змей, ящериц и крокодилов, олдовэец питался не только и, по-видимому, не столько растительной пищей, сколько мясной. Как мог он в таком случае разделывать туши животных, если его «естественное оружие» — резцы и клыки — не отличается мощностью? Зубами содрать шкурку невозможно даже с зайца. Следовательно, зинджантроп пользовался при охоте и разделывании убитых животных искусственно изготовленными орудиями — сечковидными чопперами и чоппингами. Лики убежден, что переход на мясную диету и умение оббивать камни — явления тесно взаимосвязанные. Вот почему его заинтересовали небольшие по размерам клыки и резцы «щелкунчика». Действительно, девять таких грубых инструментов из гальки с неровным зубчатым режущим краем, предельно примитивные, но тем не менее, бесспорно, целенаправленно обработанные, отбойник из гальки, а также 176 архаических отщепов (отбросы производства, а может быть, ножи) лежали между раздробленными костями животных невдалеке от черепа зинджантропа. Примечательно, что ближайшие местонахождения сырья, из которого изготовлялись орудия, были расположены в четырех и девятнадцати милях от стойбища.

Разве использование искусственно обработанных орудий не первый и главный признак, отличающий человека от других представителей животного мира, в том числе и близко родственных ему антропоидов? Не следует забывать, что даже высокоорганизованные австралопитековые Южной Африки, открытые Раймондом Дартом, Робертом Брумом и Джоном Робинзоном, не «додумались» до намеренной отделки инструментов, вследствие чего их невозможно включить в ряд homo. А здесь, в Олдовэе, не только зинджантроп, но и его предшественник умели обрабатывать камни: орудия встречались и в горизонтах, расположенных ниже слоя с черепом «щелкунчика».

Зинджантроп — «недостающее звено», человек? Не увлекается ли Лики?

А что такое, в сущности, человек? — спрашивал в свою очередь Лики и отвечал так. Мне нравится определение, которое дал человеку почти двести лет назад Бенджамин Франклин: «Человек это животное, делающее орудия». То же говорил сто лет назад Томас Карлейль: «Без орудий человек — ничто». Для меня человек — не просто существо, освоившее прямохождение, имеющее определенный объем мозговой коробки и умеющее говорить. И предок человека для меня не просто первобытное обезьянообразное существо, умевшее прямо ходить и освободившее передние конечности, руки. Настоящий человек должен обладать определенным уровнем умственных способностей, чтобы уметь делать грубые орудия. Ключ лежит в способности делать орудия, которые отличаются от заостренных палок или острых камней, которые лежат под рукой в готовом виде. Только то существо, которое думает о заострении сырого материала природы, о придании ему нужной для дела формы, можно считать самым древним человеком...

О большей близости зинджантропа человеку, нежели австралопитекам, свидетельствовали также детали строения его черепной крышки и лицевого скелета. Кривизна щек показывала, что лицо его, несмотря на массивность костей, напоминало человеческое. Система мышц нижней челюсти, управляющая движением языка, а следовательно, и речевым аппаратом, по предположению Лики, была сходной с человеческой. Височная кость перед ушными отверстиями у зинджантропа той же формы и размера, как у человека, и этим его черепная крышка отличалась от антропоидной и австралопитековой. Затылочные кости тоже сходны с человеческими. Основание черепа не оставляло сомнений в том, что зиндж держал голову прямо и, значит, освоил прямохождение. Вообще многие черты специализации, прослеживающиеся в структуре черепа, подталкивали Лики к выводу о том, что зинджантроп — прямой предок человека, а парантроп и австралопитек — боковые ветви общего ствола гоминид, сосуществовавшие некоторое время вместе, а впоследствии исчезнувшие с лица земли, поскольку не могли выдержать конкуренции с более высокоорганизованными существами. Поэтому ни того, ни другого, строго говоря, называть обезьянолюдьми нельзя. Правильнее их следовало бы именовать «near man» — «около-люди».

Все это не значило, однако, что зинджантроп близко напоминал «человека разумного». Достаточно взглянуть на его чудовищно низкий, убегающий назад лоб, сильно уплощенный черепной свод, небольшую коробку, вмещавшую мозга вдвое меньше, чем череп синантропа (позже удалось установить, что объем мозга зинджантропа составлял всего 530 кубических сантиметров), на костный валик, завершающий череп, чтобы понять, насколько далеко отстоит зиндж от места, которое занимает на эволюционной лестнице

гоминид современный человек. Удивляться нет причин, поскольку останки животных, найденные вместе с черепом олдовэйца, датировали его эпоху временем значительно более ранним, чем пора питекантропа и синантропа. По самым скромным подсчетам, зинджантроп жил более 600 тысяч лет назад. Но втайне Лики полагал, что цифру эту надо увеличить по крайней мере вдвое!

Рассуждения Лики о роли зинджантропа в родословной человека имели лишь один уязвимый пункт, впрочем обычный при такого рода открытиях: если раздробленные кости животных принадлежали жертвам хозяина чопперов, то, может быть, и человекообразное существо, от которого сохранился череп, тоже только остаток чьей-то трапезы? Примитивного зинджа мог убить, а затем съесть более высокоорганизованный гоминид — истинный обладатель каменных орудий! Лики, выслушивая на раскопе такого рода «коварные» предположения, сердился. Сомневаться всегда легче, чем открыть что-нибудь стоящее. В следующий полевой сезон он надеялся найти остальные части скелета зинджа, этого связующего звена между австралопитеками и homo sapiens, и восстановить полностью его облик. Надо отыскать также нижнюю челюсть «щелкунчика», чтобы знать, говорил ли он. А если очень повезет, то почему бы не обнаружить и скелет напарницы зинджа?..

Сквозь трескотню в наушниках рации Луис Лики едва слышал далекий голос Мэри. Она, наверное, небрежно настроила передатчик:

— Олдовэй вызывает Лангуту. Олдовэй вызывает Лангуту. Ты слышишь? Прием.

— Олдовэй, я Лангута,— отвечал Лики, переключив

передатчик.— Слышу тебя, но плохо. Подправь передатчик! Прием.

— Олдовэй вызывает Лангуту,— послышался отчетливый голос Мэри.— Так слушай — вчера на стоянке Н. Н. мы нашли ногу. Да, я сказала ногу. Мы сделали еще одно открытие, не менее важное, чем находка зинджа! Прием.

— Слышу тебя хорошо, спасибо,— закричал в микрофон Луис.— Прекрасная новость! Какую часть ноги вы нашли?

— Пятку, кость лодыжки и большое количество других. Когда ты приедешь посмотреть их? Прием.

— Я выезжаю немедленно! Прием и баста!

— Ну, не так скоро,— засмеялась Мэри.— Тебе предстоит кое-что закупить. Карандаш и бумага при тебе? Ну, так слушай...

Лики не сомневался в успехе экспедиции 1960 года, но что удача пришла так скоро — настоящее чудо. Стоило ему выехать на неделю в Найроби, и вот Мэри уже порадовала его. На этот раз дело не только в «Счастье Лики». Раскопки 1960 года велись с небывалым размахом. Открытие зинджантропа произвело столь сильное впечатление, что исследования олдовэйской экспедиции предложило финансировать Национальное географическое общество США. Его крупный денежный вклад позволил Лики запланировать на 1960 год при 13 неделях полевого сезона очень большие по объему работы. Он подсчитал, что увеличенный штат сотрудников позволит потрудиться на раскопах не менее 92 тысяч человеко-часов и вскрыть 1200 квадратных метров стойбища. Следовательно, раскопки одного полевого сезона сразу же превзошли вдвое масштабы земляных работ, проделанных за предшествующие 28 лет. Раскопки, которые с воодушевлением велись на участке, где год назад Мэри нашла череп и

плечевую кость зинджантропа, порадовали сразу же. Помимо отщепов, груды инструментов из гальки, а также своего рода отбойников, с помощью которых дробились кости животных, удалось обнаружить новые останки скелета зинджа — большую и малую берцовую кость, а также ключицу. Эти части скелета позволили вычислить рост зинджантропа: судя по всему, он составлял 152,5 сантиметра. Часть фрагментов костей принадлежала женской особи зинджантропа. «Я же говорил вам о напарнице, а вы смеялись надо мной!» — торжествовал Лики.

Останки животных подтвердили наблюдения предшествующего года: зиндж охотился только на молодых животных. Все трубчатые кости раскалывались, и из них извлекался мозг. В более поздних слоях шелльского и ашельского человека эта черта хозяйствования выражалась не столь отчетливо, поэтому Лики сделал вывод, что владельцы ручных топоров не испытывали такого недостатка в пище, как их предок зинджантроп. До отъезда в Найроби «оракул» Лики оказался не прав лишь в одном — на стойбище так и не удалось найти нижнюю челюсть. Досадное обстоятельство, ведь именно она решила бы вопрос, владел ли «щелкунчик» речью. Оставалось утешаться тем, что прямая посадка его тела после открытия костей нижних конечностей не вызывала сомнений. Значит, руки «дорогого мальчика» освободились для разнообразных трудовых операций.

История нового, еще более удивительного открытия, последствия которого трудно предугадать, началась со случайности. Как-то Джонатан, двадцатилетний сын Луиса, специализирующийся в изучении змей, бродил по дну каньона невдалеке от раскопа. Осматривая обнажения, по уровню залегания расположенные ниже слоя с культурными останками зинджантропа, в эрози-

онном углублении пещерки, протянувшейся в стенке ущелья метров на 12, он обнаружил челюсть неведомого ему животного. В лагере эта находка вызвала немало удивления. Лики определил, что челюсть принадлежала саблезубому тигру. Среди десятков тысяч костей, собранных в Олдовэе, никогда не встречались его останки. Более того, на всей территории Восточной Африки их тоже никогда не находили. Неудивительно поэтому, что в первый же удобный момент Мэри и Луис отправились посмотреть слой, из которого Джонатан извлек челюсть. Местонахождение, названное Н. Н., находилось всего в 227 метрах от стоянки зинджа, но было древнее на несколько сотен тысячелетий и уже поэтому вызывало особый интерес.

Лики предполагал найти здесь все, что угодно, но не то, что сразу же заметили зоркие глаза Мэри. «Примат!» — воскликнула она и подняла небольшую косточку. Луис осмотрел находку и согласился — действительно, эта кость могла принадлежать скелету человека или обезьяны. Лики тут же отдал распоряжение копать контрольную траншею. Предварительные раскопки дали новые костные останки, которые, судя по всему, принадлежали гоминиду, а не антропоиду: из траншеи извлекли несколько миниатюрных обломков черепа, позвонок и фаланги пальцев. Рекорд древности продержался за зинджантропом всего год. Он побит новым загадочным существом, получившим имя **презинджантроп,** но воссоздать его облик не представлялось возможным и при самом богатом воображении — настолько фрагментарными оказались найденные останки. Кто он — непосредственный предок зинджантропа или иная гоминидная ветвь, представитель которой отличался более развитым интеллектом? Ответ предстояло искать в земле.

Можно понять поэтому нетерпение Лики, мчавше-

гося в Олдовэй,— ему хотелось поскорее осмотреть стопу, об открытии которой на местонахождении Н. Н. ему сообщила Мэри. В лагере он принялся реконструировать тонкие кости левой стопы, подбирая ее смыкающиеся друг с другом части. От ноги сохранились пять фаланг пальцев, пять костей ступни, несколько разрушенная от эрозии пяточная кость и лодыжка. Строение нижней конечности отличалось примитивностью, но все же не оставалось сомнений, что нога не антропоидная, а человеческая. Не могло, в частности, быть и речи, что она сходна с ногой гориллы. В то же время определенное различие в соединении пальцев и форме костей ступни отличало ее от ступни современного человека.

В ближайшие за этим событием дни последовали новые находки, одна интереснее другой: ключица, фаланги пальцев руки, позвонок, кисть, зубы, голень, лобная и височные кости черепа... По позвонку стало возможным представить объем грудной клетки презинджантропа, она была обширной. Наибольшее волнение вызвало открытие костей ног и рук, определенно человеческих по особенностям своего строения. Никогда еще в горизонтах такой древности не находили останки конечностей homo.

Затем снова повезло Джонатану, «шефу» счастливо открытого местонахождения. Он все дни не переставал твердить, что рано или поздно обязательно найдет челюсть презинджантропа. Заклинания помогли. Однажды утром к палаткам прибежал помощник Джонатана и закричал на весь лагерь: «Джонни нашел ее! Идите скорее!» Когда участники раскопок сбежались к пункту Н. Н., Джонатан завершал расчистку части челюсти с тринадцатью хорошо сохранившимися зубами. Счастливчик ворчал недовольно — его огорчило, что челюсть разломана и к тому же сохранилась не пол-

ностью. Но это была находка! Во-первых, она помогла наконец установить возраст презинджантропа (11—12 лет); во-вторых, зубы ребенка, не превосходившие по размерам зубы «щелкунчика», значительно отличались от них, больше напоминая человеческие (по форме и строению, но не размерами: на участке челюсти, где размещались пять зубов презинджантропа, у человека могло бы поместиться шесть); в-третьих, именно челюсть и зубы позволили Лики прийти к сенсационному выводу о том, что презинджантроп представляет, по-видимому, иной, чем зинджантроп, тип древнейшего человека.

Открытие еще некоторых частей черепа презинджантропа, в том числе обломков теменной части черепной коробки, подтвердило это неожиданное заключение. Его умственный статус представлялся несколько большим, чем уровень, достигнутый зинджантропом. В свете новых находок последний не выглядел столь резко отличным от австралопитековых Южной Африки, как казалось год назад. Лики склонен был теперь принять гипотезу о параллельном развитии в Олдовэе двух разновидностей гоминид — зинджантропа и презинджантропа.

Обломки черепа презинджантропа имели отчетливые следы преднамеренного убийства: на левой части теменной кости остался след удара чудовищной силы. От него по поверхности теменной кости радиально расходились глубокие трещины. Кто убил его? Если при открытии черепов гоминид на стойбищах древнекаменного века каждый раз предполагать, что таинственный убийца — настоящий человек, а жертва, соответственно, примитивная боковая ветвь, не имевшая отношения к родословной Homo, то проблему происхождения людей никогда не удастся решить. «Недостающее звено» останется вечно ускользающим.

Не справедливее ли предположить, что древнейшие представители рода человеческого нападали на себе подобных или родственных представителей семейства гоминид, может быть лишь несколько отставших в развитии, убивали их и поедали, как обычную добычу повседневной охоты? Вероятнее всего, так оно и было.

Позже Лики, тщательно изучив костные останки и посоветовавшись со специалистами-антропологами, выступил с новой интерпретацией места презинджантропа в родословной человека. Он ошеломил палеоантропологов, объявив самого раннего из гоминид Олдовэя прямым предком homo! Лики и его коллеги Джон Нейнир и Филипп Тобиас обратили внимание на особенности строения руки презинджантропа. Пальцы, несмотря на их массивность и изогнутость, имели характерную уплощенность на конечных фалангах, отличающихся к тому же большей, чем у обезьян, шириной. Большой палец противопоставлялся остальным пальцам руки и, очевидно, как у человека, мог сопоставляться с их подушечками. Отсюда следовало, что рука презинджантропа обладала достаточно совершенной хватательной способностью и могла не только использовать, но и изготовлять каменные орудия. Стопа и другие кости нижних конечностей, несомненно, свидетельствовали о полном освоении прямохождения. По очертанию челюсти, менее широким и не таким высоким зубам, отличающимся от австралопитековых, в том числе от зинджантроповых, презинджантроп тоже больше сближался с человеком. Размер, форма и манера износа зубов свидетельствовали о предпочтении употреблять не растительную, а мясную пищу. Обращала на себя внимание U-образная кривизна внутренней окраины нижней челюсти, что свидетельствовало о свободном передвижении языка во рту, а

следовательно, и о возможности овладения зачатками речи. Если к этому добавить значительный объем мозга (680 кубических сантиметров), так и не достигнутый ни одним из представителей австралопитековых, то вывод о том, что президжантроп истинное «недостающее звено», не покажется неоправданным.

Но что свидетельствовало о человеческом статусе президжантропа, помимо чисто антропологических показателей, обнаруживающих более высокую эволюционную ступень по сравнению с уровнем, достигнутым зинджантропом? При большем, чем у зинджа, объеме мозга следовало прежде всего предполагать умение изготовлять орудия. Действительно, на жилой площадке президжантропа удалось найти небольшие грубо оббитые гальки и сколы со следами целенаправленной ретуши. Часть из них лежала кучками, представляющими собой своеобразные склады готовых изделий или сырья. Президжантроп предпочитал использовать для изготовления орудий кварц, за которым ему приходилось совершать походы не ближе, чем за три километра. Судя по орудиям, президжантроп не отличался крупными размерами. На одном из обломков костей Лики даже усмотрел «следы износа» и предположил, что это инструмент для обработки кожи. Пожалуй, этот вывод — следствие увлечения археолога, однако умение президжантропа изготовлять и использовать инструменты из камня не вызывало сомнений. Поэтому оправданным стало новое название, которое получил президжантроп,— homo habilis, «человек умелый». Всего несколько месяцев назад Лики разжаловал из обезьянолюдей парантропа и австралопитека, назвав их «около-людьми». Теперь развенчан «дорогой мальчик». Почетное назначение стать предком современных людей он уступал «человеку умелому». Когда Лики спросили, как объяснить столь

быструю смену концепций и почему не исчезают разногласия, касающиеся проблем происхождения человека, он ответил так:

— Теории о предыстории и древнем человеке изменяются постоянно, по мере того как мы узнаем о новых находках. Пока единственная находка презинджантропа может пошатнуть давно сложившиеся концепции. Но еще очень много белых пятен в цепи эволюции человека, а отдельные звенья этой цепи отделены друг от друга сотнями тысячелетий. Не исключено, что мы найдем что-то еще более древнее, чем homo habilis, но пока что должны по-настоящему принять это открытие и признать его наиболее древний возраст...

Останки животных, обнаруженные при раскопках территории стойбища, позволили уяснить, на кого предпочитал охотиться древнейший гоминид. Картина открылась неожиданная — помимо костей огромного количества крупных черепах, «рыб с кошачьей головой» и птиц, ничего более найти не удалось. По мнению Лики, презинджантроп настолько еще неопытный и слабый охотник, что, помимо беспомощных черепах, птиц, не умеющих летать, да рыб, никого другого он преследовать не отваживался. Зинджантроп уже нападал не только на мелких степных животных, но и на молодняк крупных — лошадей и антилоп.

С открытием презинджантропа научные приключения в Олдовэе не закончились. Поистине 1960 год решил воздать сторицей семейству Лики! После зинджантропа и презинджантропа, представляющих **дошелльскую** культуру возраста не менее 600 тысяч лет, ранее открытых останков синантропа и питекантропа, обезьянолюдей **ашельской** культуры, отстоящей от современности на 250 тысяч лет, в хронологической таблице ранней поры древнекаменного века осталась

непредставленной **шелльская** культура. Останки загадочного обезьяночеловека, который первым научился делать двусторонне обработанные орудия типа рубил, или, иначе говоря, ручных топоров, искали с тех самых пор, как в 40-е годы прошлого века во Франции нашли первые шелльские рубила. Но, увы, ни в Европе, ни в Южной Африке, где эта культура широко распространена, череп шелльца обнаружить не удалось. Лишь в Олдовэе в 1954 году появилась робкая надежда, когда Лики в одном из шелльских горизонтов удалось найти два огромных молочных зуба. Но настоящий контакт с шелльцем так и не удалось наладить.

В этом счастливом 1960 году Лики решил еще раз попытать счастья и начал раскопки слоя, где он некогда нашел шелльские рубила третьей стадии развития культуры. Жилая площадка стойбища шелльцев располагалась недалеко от стоянки зинджантропа, но по уровню склона залегала на 6,5 метра выше, что свидетельствовало о ее значительно более позднем возрасте. Работа подвигалась успешно. Лики сразу же удалось напасть на россыпи каменных орудий, среди которых преобладали рубила, и на кости животных. Оказывается, шелльцы уже знали замечательное изобретение по части охотничьего снаряжения — боласы, каменные шары, завернутые в шкуру и соединенные по три штуки длинной кожаной лентой или веревкой. Боласы раскручивали над головой и бросали в ноги мчащегося животного; внезапно опутанное, оно падало на землю и становилось добычей охотника. Боласы до сих пор употребляют эскимосы и некоторые из племен южноамериканских индейцев, поэтому можно легко восстановить приемы охоты с помощью такого достаточно сложного орудия. Но кто бы мог думать, что шелльцы почти полмиллиона лет назад уже имели эту снасть! Однако факт остается фактом — крупные

округлые гальки, встречающиеся на стойбище характерными группами, свидетельствовали об этом со всей беспристрастностью. Видимо, именно боласы позволили шелльцу Олдовэя охотиться на крупных животных, кости которых устилали жилую площадку. Зинджантроп с его примитивными орудиями не смел и мечтать о подобном предприятии. Кроме того, судя по весу боласов, шелльцы обладали огромной силой.

Конечно, открытие боласов в шелльском культурном горизонте — факт замечательный, ну, а как же сам шеллец? Увы, Лики и на сей раз не повезло — все попытки отыскать череп метателя каменных ядер оказались тщетными. Он, по-видимому, решил не нарушать более чем вековой традиции и повременить со встречей. Лики не стал упорствовать, приказав прекратить раскопки.

Позже Луис, вспоминая обстоятельства как всегда неожиданной и как будто опять случайной удачи, напишет так: «Я иногда думаю, что судьба непрестанно играла нами. Как только мы оставляли поиски, поскольку уже не оставалось надежды найти нашего таинственного доисторического человека,— он объявлялся тут как тут!»

А случилось вот что. 30 ноября в полдень Лики вместе с геологом Раймондом Пикерингом осматривал каньон, уточняя детальный разрез ущелья. Раскоп шелльского стойбища они обозревали с соседнего холма, расположенного в полукилометре от лагеря. Взгляд Лики остановился на одном из участков обнажения пласта, в котором залегали рубила шелльского типа. То место не привлекало раньше внимания: сплошной кустарник делал его незаметным. Теперь же с удачной точки обзора оно предстало во всем великолепии. «Послушай, Рэй,— сказал Лики, указывая на заросли кустарника,— вот тот участок обнажения лежит не да-

лее чем в ста метрах от раскопа стоянки шелльцев. Мне кажется даже, что он располагается на том же уровне, что и древняя жилая площадка. Я должен пойти и проверить свои впечатления!»

Однако работа с геологом не позволила в этот день добраться до обнажения. Лики, его младший сын Филипп и Пикеринг отправились к нему рано утром 1 декабря. Дорога была нелегкой — приходилось продираться сквозь густые заросли кустарника. Вот наконец и край ущелья, где ниже по склону должно находиться обнажение, разрушенный эрозией склон шелльского уровня. Лики потом уверял, что в тот момент его охватило предчувствие необыкновенно важного открытия. Спускаясь по склону, Луис полушутя-полусерьезно крикнул Пикерингу: «Рэй, это как раз то место, где нам предстоит найти череп!» Заканчивая реплику, Лики остановил взгляд на стенке небольшого овражка, пропиленного в окаменевшей глине дождевыми потоками. Там лежало несколько крупных обломков кости. «Череп!» — молнией мелькнуло в голове Лики, но он одернул себя: «Наверное, опять обломки панциря черепахи. Разве ты забыл, как обманчиво напоминают они человеческий череп?»

Но чем ближе он подходил к месту, где из слабо разрушенного глинистого горизонта выступали окаменевшие костяные фрагменты, тем больше рассеивалась боязнь снова обмануться в ожиданиях. Лики припал на колени, вгляделся в обломки, и последние сомнения покинули его — это череп, долгожданный череп шелльского человека! Лики настолько потрясло происшедшее, что некоторое время он не мог сказать ничего вразумительного.

Еще раз осмотрев слой, из которого торчали обломки черепа, Лики и Пикеринг пришли к убеждению, что череп действительно залегает на уровне горизонта

шелльского стойбища, раскопанного невдалеке. Неудивительно поэтому, что рядом с обломками черепной крышки удалось потом найти несколько шелльских орудий, которые отличались значительно более искусной оббивкой в сравнении с галечными инструментами, обнаруженными ранее на границе дошелльского и шелльского горизонтов.

Поразительная вещь — столько зыбких случайностей предшествовало одной из самых эффектных и значительных находок в Олдовэе, что открытие вполне могло бы и не состояться. И тогда очень скоро эрозия без следа уничтожила бы вывалившийся из слоя череп. Но чтобы случайности могли вот так составить капризную игру счастья и неудач, надо очень долго идти им навстречу. За случайностями «счастья Лики» почти тридцать лет поистине каторжного, неустанного, самоотверженного труда, увлеченного, упорного, целенаправленного, всепоглощающая любовь к делу. Счастливые случайности подготавливались школой кикуйю, научивших Лики терпению, упорству в достижении цели и острой наблюдательности, этим через всю жизнь пронесенным желанием раскрыть мир далеких предков человека, его удивительной разносторонностью «универсального человека, ученого» (первоклассный археолог профессионально разбирался в проблемах родственных и смежных с археологией наук — геологии, палеонтологии, антропологии), наконец, встречей с Мэри. Да мало ли еще компонентов, из которых складывались счастье и удача этого ученого, его поразительная интуиция и везение, без чего костные останки зинджантропа и презинджантропа до сих пор лежали бы погребенными в глинистых толщах ущелий равнины Серенгети.

Но что же представлял собою открытый в Олдовэе первый череп шелльского человека? Он сохранился

не полностью. Тринадцать извлеченных из глины обломков составили при реставрации большую часть мозговой коробки. Стенки черепной крышки удивляли массивностью, а таких валиков, нависших козырьком над глазницами, не имел ни один из найденных до сих пор черепов обезьянолюдей. Его примитивность подчеркивалась также низким убегающим назад лбом и приплюснутостью свода в теменной части. Пожалуй, черепная крышка питекантропа выглядела изящнее. Удивляться, впрочем, нет оснований — ведь обезьяночеловек с Явы жил значительно позже, в эпоху ашельской культуры. Лики пришел к выводу, что череп шелльца Олдовэя по значительному числу признаков отличается от черепов синантропа и питекантропа.

Образ жизни шелльца оставил далеко позади первозданную простоту жизни, о которой свидетельствовал комплекс находок со стойбищ презинджантропа и зинджантропа. Достаточно сказать, что шеллец научился изготовлять оббитые с двух сторон рубила и с успехом использовал на охоте боласы, поистине одно из самых гениальных изобретений обезьяночеловека. Обладая к тому же огромной силой, он предпочитал охотиться не на черепах и мелких обитателей саванны, как его предшественники зиндж и «человек умелый», но на крупных, а иногда просто гигантских животных.

В шелльском культурном горизонте Лики нашел кости огромного кабана, необыкновенно большого барана с размахом рогов около двух метров, очень высокого жирафа с рогами на голове, гигантской болотной антилопы ситатунги и крупного дикобраза. Но самым необычным оказался скелет примитивного слона динотерия. Это огромное животное имело странную особенность — его полутораметровые бивни располагались не в верхней, как у остальных разновидностей

слонов, а в нижней челюсти. Можно представить, какой чудовищной силой должны были обладать жевательные мускулы динотерия, чтобы выдерживать тяжесть таких бивней.

Так вот, как это ни было удивительно, но гигантский слон динотерий (названный «прекрасным») пал жертвой шелльских обезьянолюдей. Они сумели убить его, очевидно, загнав предварительно в трясину, а затем разделались с тушей. Вокруг груды костей динотерия лежали каменные орудия шелльского человека, в том числе рубила.

Совершенствование, которое от слоя к слою претерпевают рубила, говорит о непрестанном усилии труда и мысли. Но кроме того, раскопки шелльского стойбища обнаружили поразительный факт, свидетельствующий о том, как давно не хлебом единым живет человек. Лики обратил внимание на кусочки красной охры, временами попадавшейся между костей и расколотых камней. Охра не могла составлять естественную часть твердого глинистого горизонта, следовательно, на стоянку ее принесли обезьянолюди. Как известно, охра со времен каменного века традиционно использовалась «человеком разумным» для росписи тела при погребениях, где ей предназначалась роль «крови мертвых». Но никто из археологов не мог представить, что еще на стадии обезьянолюдей, почти полмиллиона лет назад, предок человека не только не был безразличен к определенным цветам, но умел находить и использовать минерал, воссоздающий краски живой природы.

Невероятно? Но мало ли необычного преподнес археологам и антропологам Олдовэй?

Очередное «немыслимое», кстати, не заставило себя ждать. Про себя Луис Лики уже давно был убежден, что время становления дошелльской культуры вы-

ходит далеко за пределы миллиона лет, обычно отводимого для истории человека. Но коллеги с недоверием встречали его «мысли вслух» по этому поводу. Открытие зинджантропа и «человека умелого» еще больше убедило Лики в справедливости его крамольной идеи, поскольку для эволюционных изменений костных структур древнейших людей при их переходе к стадии питекантропов и синантропов требовался больший промежуток времени, чем тот, который определялся антропологами. К счастью, условия залегания костей зинджантропа и презинджантропа в Олдовэе позволяли установить, наконец, возможную абсолютную дату эпохи их существования.

Дело в том, что горизонт олдовэйской культуры перекрывался слоем вулканического туфа, образцы которого используются обычно для определения абсолютного возраста породы с помощью калий-аргонового метода датировки, своеобразных атомных часов Земли [1]. Лики решил доверить решение проблемы физикам Калифорнийского университета, где на геологическом факультете работала лаборатория по установлению времени излияния древнейших вулканических пород. В США в город Беркли он направил небольшую посылку с семью образцами туфового горизонта Олдовэя в том месте, где лава перекрывала пласт с жилой площадкой древнейших гоминид. Представьте теперь торжество Лики, когда в конце мая 1961 года в Найроби пришло письмо, на голубоватом листке которого он прочитал следующее:

---

[1] Существо метода заключается в том, чтобы определить, какое количество калия-40 в туфе успело со времени извержения превратиться в кальций-40 и аргон-40. В зависимости от процентного соотношения элементов определяется время образования вулканической породы.

«Калифорнийский университет
Геологический факультет
Беркли 4, Калифорния, США

20 мая 1961

Доктору Луису С. Б. Лики, куратору Корондонского музея
Найроби, Кения, Восточная Африка

Дорогой доктор Лики!

Датировка олдовэйских ископаемых методом потассиум-аргон довольно прогрессивна. И, хотя нам предстоит подвергнуть анализу большое количество костей, первые результаты настолько потрясающи, что, я думаю, Вам будет интересно узнать о них.

Зинджантроп и ребенок презинджантроп значительно старше, чем предполагалось всеми, кроме Вас и миссис Лики. Средний возраст образца, который подвергнут анализу доктором Джеком Ф. Эвернденом и мной,— 1 750 000 лет.

Мы оба верим, что эта дата близка к истинной, хотя, возможно, она немного меньше настоящей.

Ясно одно — олдовэйский человек древний, древний, древний!

Искренне Ваш

Гарнис Х. Куртис».

Не правда ли, голубой листок Куртиса — весомый документ! В мгновение ока он состарил человечество на миллион лет!

НОВЫЕ НЕОЖИДАННОСТИ

> Где круга этого начало,
> где конец,
> откуда мы пришли,
> куда уйдем отселе?
>
> ОМАР ХАЙЯМ

Олдовэйское ущелье в последующие за 1960 годом полевые сезоны не переставало преподносить сюрпризы семейству Лики. Достаточно сказать, что Луис Лики вскоре обнаружил недалеко от лагеря обломки черепа ашельского человека, т. е. современника азиатских обезьянолюдей типа синантропа и питекантропа. Олдовэйский ашелец, названный почему-то Георгом, оказался близким шелльцу и был присоединен, как и последний, к роду homo erectus — «человека прямоходящего». Наиболее неожиданным, однако, стало открытие в слое, возраст которого составлял «всего» 800 тысяч лет, женского черепа «человека умелого» — homo habilis. Это невысокое существо, названное Цинделлой, имело не очень большой по объему мозг.

Но несомненно более прогрессивные черты строения ее черепа заставили Лики усомниться, что шеллец и Георг — прямые предки современного человека. Изящная Циндрелла имела бо́льшие основания претендовать на эту почетную роль. Итак, дорогу дамам: в Олдовэе помимо обезьянолюдей типа питекантропа, а также его предка шелльца и австралопитека зинджантропа на ряде этапов ранней поры древнекаменного века процветал, по мнению Лики, более прогрессивный homo habilis — истинный предшественник homo sapiens. Как они сосуществовали и какова судьба каждого из членов семейства олдовэйских гоминид — трудно сказать. Лики, во всяком случае, убежден, что существа с обезьяньими, как у Георга или у шелльца, черепами в конце концов вымерли, освободив дорогу «человеку умелому».

Что касается зинджантропа, то его статус возможного предка человека стал особенно сомнительным, когда Ричард Лики (сын Луиса) обнаружил в 300 километрах к северу от Олдовэя, около Пининджа, к западу от озера Натрон, нижнюю челюсть. Она имела характерную U-образную форму. Зинджантроп вряд ли мог так же свободно, как гоминид, использовать свой язык при воспроизводстве звуков речи.

К этому следует добавить, что олдовэйские сенсации касались не только костных останков древнейших в мире людей. Не меньшее волнение вызвала удача с находкой культурного горизонта, залегавшего глубже слоя зинджантропа и презинджантропа. При раскопках Лики обнаружил несколько сотен изящно оббитых каменных орудий необычайно малого размера. Это дало возможность предположить, что у самого раннего из обитателей Олдовэя были очень маленькие руки и ростом он был невысок. Тем не менее загадочный пока гоминид успешно охотился на крупных животных, рас-

колотые кости которых в изобилии валялись на жилой площадке. Видимо, он же выкладывал из крупных камней, иногда положенных друг на друга, широкие правильные круги — возможно основания примитивных жилищ или стенок от ветра. Чтобы по-настоящему оценить важность такого открытия, достаточно сказать, что, по данным калий-аргонового анализа, возраст горизонта с находками превышал 2 миллиона лет!

Национальное географическое общество США за научные достижения, революционизирующие представления о предыстории человека, присудило в 1964 году Луису и Мэри Лики золотую медаль Хуббарда. «Эта медаль принадлежит не двум Лики, а пяти,— сказал на церемонии вручения медали Луис.— Все, что выполнено, мы сделали вместе». Это был действительно подлинный триумф всей семьи старших Лики и их сыновей — Джонатана, любителя орхидей, отчаянного водителя джипа Филиппа и Ричарда, страстного фотографа и кинооператора-любителя, избравшего для себя профессию отца.

К «недостающему звену» можно подбираться, не только углубляя древность гоминид, изготовлявших каменные орудия, но и отступая от ранних антропоидов, возможных предков человека и обезьян, к границе, где появляются первые люди. В этом плане после открытия черепов проконсула, датированных 25 миллионами лет, новые волнения вызвали сообщения, что в Кении около местечка Форт Тернан, расположенного в низменности к востоку от озера Виктория, Лики нашел обломки челюсти нового обезьянообразного существа, возраст которого составлял 12 миллионов лет!

Открытие странной антропоидной челюсти произошло в отсутствие Лики, когда он на несколько дней уехал из Форта Тернан и оставил за себя своего давнего африканского помощника Хэслона Мукири.

На раскоп он возвратился вместе с Джорджем Симпсоном, палеонтологом из Гарварда.

Когда Лики сдвинул крышку ящика, который подал ему Мукири, и увидел, что за кость лежит в нем, то сразу же закричал Симпсону: «Джордж, Джордж, иди посмотри, что мы тут нашли!» Там находилась часть верхней челюсти антропоида, особенности строения которой, как писал позже Лики, заставили его сердце затрепетать от радости. Клык челюсти — меньшего размера, чем у обычных обезьян, и корни его тоже не были большими. Особый интерес вызывало также углубление около того места, где закреплялся клык. По форме оно походило на человеческое: здесь располагаются мышцы, которые двигали верхнюю губу; следовательно, губы нового антропоида двигались не так, как у современных высших обезьян. Детали строения челюсти позволили Лики увидеть в новом существе одно из возможных звеньев в эволюционной цепи прогрессивного антропоида, вступившего на путь очеловечивания. Новое существо получило имя «кениапитек викери» (Kenjapithecus wickeri), в честь Фреда Викери — владельца фермы, где производились раскопки. Это не было, разумеется, «недостающее звено» — от первых гоминид Олдовэя кениапитека отделяла дорога длиною в 10 миллионов лет! Однако, как оказалось вскоре, промежуток этот следовало сократить по крайней мере на полмиллиона, а может быть, и на целый миллион лет за счет нового удревнения границы эпохи, когда началось искусственное изготовление каменных орудий и появились первые гоминиды. Новые, поразительные по неожиданности открытия связаны с именем Ричарда Лики...

Все началось довольно прозаически. В течение трех дней караван из 12 верблюдов двигался на восток от озера Рудольф из лагеря Кооби Фора по бездорожной

каменистой пустыне, продуваемой ветрами. Три года вела здесь исследования экспедиция Ричарда Лики, который впервые обратил внимание на южную окраину долины Омо еще в 1967 году, когда возглавлял международную экспедицию по изучению юго-западной части Эфиопии. Тогда ему посчастливилось обнаружить два превосходно сохранившихся черепа homo sapiens, возраст которых оказался неожиданно древним — около 100 тысяч лет. Обозревая долину Омо с воздуха, Ричард Лики пришел к заключению, что в той части ее, которая расположена в Кении к востоку от озера Рудольф, просматриваются участки, где, возможно, находятся еще более богатые местонахождения ископаемой фауны. Поиски, проведенные в 1968 году, подтвердили предположение. Примечательно, что кости залегали в горизонтах, возраст которых превышал 2 миллиона лет. Тогда же Ричард Лики подумал, что при удаче в них можно открыть обработанные человеком камни, поскольку олдовэйские оббитые гальки, учитывая их относительное совершенство даже при возрасте в 1 миллион 850 тысяч лет, имели конечно же предшественников — еще более примитивные орудия.

В 1969 году в слое вулканического туфа такие изделия были действительно найдены. Среди 60 камней со следами раскалывания Ричард выделил четыре режущих инструмента в виде ножа и большое количество примитивных базальтовых пластин с острыми краями. Орудия залегали в одном слое с дюжиной расколотых вдоль трубчатых костей древней антилопы. Лаборатория Кембриджа определила возраст туфа, в котором залегали находки, в 2 миллиона 600 тысяч лет! Никогда еще археологи не находили столь древнего культурного горизонта. Орудия были древнее изделий зинджантропа и презинджантропа по крайней мере на 800 тысяч лет! Оставалось, однако, неясным, что

за существо обрабатывало камни и охотилось на антилоп, поскольку ни одной кости гоминида в тот полевой сезон обнаружить не удалось.

И вот снова корабли пустыни важно шагают по печальной земле. Верблюд Джордж, на котором восседал Ричард, под вечер начал шумно выражать недовольство долгим переходом, а поскольку седоку тоже надоело трястись на его спине, то Лики отдал распоряжение разбить лагерь. Ничего не случится, если к границе Эфиопии экспедиция выйдет на следующий день. К тому же всего милях в двух от маршрута показался привлекательный серовато-бурый каменистый выступ осадочных пород, рассеченных сильной эрозией. Этот древний останец следовало осмотреть. Вот она, привлекательность экспедиции на верблюдах! Путешествуй Ричард и его друзья на «Лэнд-Ровере», они могли бы и не завернуть к каменистому выступу.

На следующее утро после завтрака все направились к останцу. Ричард шел вместе с палеонтологом Мэйв Эппс. Вот как описал Ричард то, что случилось через несколько минут: «Я шел вдоль русла пересохшего ручья, некогда подмывшего и обнажившего слой с древними останками, и вдруг сердце мое замерло.

— Мэйв! — тревожным голосом позвал я спутницу.

Она обеспокоенно бросилась ко мне:

— Что там, змея?..

Передо мною около колючего кустарника валялся серовато-белый предмет округлой формы. Ошеломленный, не веря в удачу, я присел на корточки и уставился на него. Сколько лет я мечтал о чуде, и вот оно произошло! Костяной гребень на черепной крышке, огромные надглазничные валики, плоская лицевая часть и небольшая черепная коробка не оставляли сомнений в том, что перед нами лежал череп человекообразного существа — австралопитека...»

Череп сохранился достаточно хорошо — разрушенными оказались лишь зубы и нижняя челюсть. Но и без них Ричарду стало ясно, что ему посчастливилось найти зинджантропа, который почти на миллион лет старше «щелкунчика» из Олдовэя. Снова зиндж вышел в первые ряды претендентов на почетный статус предка человека!

Осмотр прилегающих участков обнажений привел к открытию в пласте песчаника и глины отлично сохранившегося частичного слепка черепа австралопитека, который, очевидно, совсем недавно оказался на поверхности. После фотографирования и упаковки находок, на месте предварительных раскопок, как некогда в Олдовэе, была сооружена пирамида из камней. Ричард решил все же добраться до базового лагеря Кооби Фора, отстоящего от останца на 60 миль, с тем чтобы заняться более основательными раскопками в долине пересохшего ручья. Мэри Лики чуть не заплакала, когда сын передал ей в руки череп австралопитека. Наверное, ей вспомнились радостные минуты, которые она пережила 10 лет назад в Олдовэе, когда заметила в стенке обрыва зубы зинджантропа...

Захватив необходимые инструменты, члены экспедиции через несколько дней возвратились к серовато-бурой возвышенности и начали раскопки, надеясь обнаружить нижнюю челюсть и зубы. Недостающих частей найти не удалось, но зато на следующее после прибытия утро Мвонгела Муока, помощник Ричарда Лики, поднял на склоне невысокого холма три крупных и несколько мелких обломков черепа. Ни лицевых костей, ни челюстей на месте не оказалось, тем не менее сохранившиеся части были достаточно выразительны, чтобы привести к удивительному выводу — новый череп принадлежал не австралопитеку типа зинджантропа, а какому-то другому неизвестному ранее

существу — представителю древних людей! Снова, как и 10 лет назад, австралопитек недолго пробыл на пьедестале предка. Его, кажется, спешил заменить более человекообразный претендент, хозяин древнейших в мире каменных орудий из туфов окрестностей озера Рудольф...

В 1971 году Ричард Лики совместно с Гленном Айзеком из Калифорнийского университета продолжили исследование пустыни к востоку от озера. Триумф был потрясающий: согласно сообщениям газет, им удалось найти в слое туфа свыше 20 ископаемых останков гоминид — человекообразных существ, кости крупных гиппопотамов, а также всевозможные орудия, изготовленные из кремня и вулканических пород. Находки залегали в слое туфа, возраст которого составлял 2 миллиона 600 тысяч лет!

Летом 1972 года было сделано в особенности важное открытие: Ричард Лики обнаружил около озера Рудольф в слое того же невероятно древнего возраста череп, больше напоминающий череп современного человека, чем напоминали его черепа шелльца, питекантропа, а тем более австралопитеков. У него, в частности, не так сильно выражены надглазничные валики, а челюсть не столь тяжела и массивна, как у питекантропа. Вблизи были найдены две бедренные кости и обломок голени. Осмотр их показал, что человек уже в те далекие времена, за **2 миллиона лет до** питекантропа, избавился от сутулости и характерной прыгающей походки обезьян. Стоит ли поэтому удивляться, что бедренная кость, обнаруженная Дюбуа недалеко от черепа питекантропа, так сильно напоминала человеческую? Ископаемый череп был раздавлен на несколько сотен фрагментов, но Мэйв, ставшая супругой Ричарда, мастерски реставрировала его и установила, что объем мозга нового гоминида составлял не менее

800 кубических сантиметров! Ни один из австралопитеков, даже самых поздних по времени, не мог конкурировать с ним в этом отношении.

В интервью журналистам осенью 1972 года Ричард Лики заявил: «Сейчас мы имеем все основания полагать, что 2 500 000 лет назад в Восточной Африке наряду с австралопитеком существовала истинно прямая двуногая форма рода homo. Хотя найденный череп и отличается от черепа современного человека, он также отличается и от всех других известных форм древнего человека...»

Если говорить о существенной особенности ситуации, которая сложилась сейчас в теории антропогенеза, то она склоняет к идее не прямолинейного и однозначного, но сложного и многопланового процесса становления людей, что уже само по себе неизбежно порождает ожесточенные дискуссии. Речь идет не только о потрясающем удревнении возраста обезьянообразного предка, к чему пока трудно привыкнуть, о неравномерности эволюции на ранних стадиях антропогенеза, но также о поисках приемлемого решения проблемы сосуществования особей конкурирующих ответвлений родословного древа человека. Герои-предки более не выстраиваются в строгую линейку, сменяя друг друга в отсчете тысячелетий. К финишу, черте, за которой открывается мир относительно совершенного разума и труда, они устремляются теперь, не вытянувшись в цепочку согласно субординации, а нестройной толпой, обгоняя друг друга и выталкивая с дорожки замешкавшихся и нерасторопных. Судьи — археологи и антропологи, оценивая достоинства конкурентов, теряются в догадках, кто окажется победителем...

Но может быть, самым поразительным в этой ситуации оказывается то, что «недостающее звено», оторвавшееся от мира обезьян и взявшее старт своего марафонского (в 2 миллиона лет) бега к «человеку разумному», по-прежнему остается недостающим. Открытия последних лет подтверждают этот факт: как и сто лет назад, во времена Геккеля и Дюбуа, «недостающее звено» — объект желанный, но, увы, неуловимый. Можно удовлетворяться лишь тем, что кольцо поисков неумолимо сжимается и, пожалуй, теперь, как никогда ранее, видится день, когда загадочное, вечно ускользающее звено окажется, наконец, в человеческих руках.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Епифанович Ларичев
ПОИСКИ ПРЕДКОВ АДАМА

Заведующий редакцией **А. В. Белов**

Редактор **М. М. Беляев**

Младший редактор **Г. И. Жарикова**

Художник **Н. С. Филиппов**

Художественный редактор **В. А. Тогобицкий**
Технический редактор **О. М. Семенова**

ИБ № 1437
Сдано в набор 8 июня 1977 г. Подписано в печать 4 октября 1977 г. Формат $70 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 5,60. Учетно-изд. л. 5,32. Тираж 200 тыс. экз. А 00136. Заказ № 1831. Цена 20 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», Москва, Краснопролетарская, 16.

ЗА СТРАНИЦАМИ УЧЕБНИКА

SHEBA.SPB.RU/ZA

Хочу всё знать (теория)

Юный техник (практика)

Домоводство (условия)